

ISSN 2219-1976

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Научный журнал
2016 / 3 (21)

LATIN AMERICAN POLITICAL TRANSFORMATIONS

Academic journal
2016 / 3 (21)

ISSN 2219-1976

ISSN 2219-1976

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Научный журнал

2016 / 3 (21)

ISSN 2219-1976

Политические изменения в Латинской Америке

Научный журнал

№ 3 (21), 2016

Основан в 2006 году

Учредители:

Факультет международных отношений
Воронежского Государственного Университета

Редакционная коллегия:

к.г.н. И.В. Комов (ВГУ)
доц., д-р ист. н. М. В. Кирчанов (отв. ред., ВГУ)
доц., к.и.н. А. В. Погорельский (ВГАСУ)
к.и.н. И. В. Форет (ВГУ)

Editorial Board

Dr. Igor V. Komov (Voronezh State University)
Ass.Prof., Dr.Sc. in History Maksym W. Kyrchanoff (editor)
Dr. Irina V. Phoret (Voronezh State University)
Ass.Prof., Dr. Alexander V. Pogorelsky
(Voronezh State Academy for Architecture and Building)

Адрес редакции

394000, Россия, Воронеж Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет корпус № 8, ауд. 22

Все оригинальные статьи, написанные на русском языке, поступающие в Редакцию, проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия

http://www.ir.vsu.ru/resources/library/latin_politics.html

ISSN 2219-1976

Содержание

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>А. Горюшина</i> , Экономическая динамика в Аргентине, Уругвае и Парагвае XIX и XX веке	6
<i>А. Горюшина, И. Форет</i> , Политические процессы в субрегионе Ла-Платы на современном этапе	14
НАЦИОНАЛИЗМ И ИСТОРИОГРАФИЯ: СЕРИЙНОСТЬ, УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ, НЕИЗБЕЖНОСТЬ И ОПЫТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ	
<i>М.В. Кирчанов</i> , Национализм, история, память: воображение, изобретение и политические манипуляции (от европейского историографического опыта к латиноамериканистике)	23
<i>М.В. Кирчанов</i> , Жетулиу Варгас: не конструктор, а конструкт модернизации: воображая «эру Варгаса» в современной историографии (коллективная память и изобретение традиции в 2000 – 2010-е гг.)	32
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА: АРГЕНТИНА СЕРЕДИНЫ 1950-Х ГОДОВ («НОВЫЕ» ИСТОЧНИКИ)	
Был диктатор Перон...	50
<i>Торкуато Ди Телла</i> , Социальные силы за событиями в Аргентине	53
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БРАЗИЛИИ (ПЕРЕВОДЫ)	
<i>Жоржи Мараньяу</i> , Лула: деконструкция мифа	58
<i>Маркос Тройхо</i> , После возвращения в мировое сообщество, Бразилия рискует почувствовать «глубинный раскол»	61
<i>Кловис Росси</i> , Крах глобальных масштабов	64
<i>Алешандре Видал Порту</i> , Мир тоже существует	66
<i>Жоржи Мараньяу</i> ...жить в другой Бразилии...	68
<i>Эмир Садер</i> , Судьба Лулы, Бразилии и Латинской Америки	71

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ МИРОМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИЕЙ	
<i>М.В. Кирчанов</i> , Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (европейский историографический опыт и латиноамериканские контексты)	73
<i>М.В. Кирчанов</i> , Мигель Краснофф Марченко как объект чилийской исторической политики и контексты политики памяти	87
ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ	
<i>М.В. Кирчанов</i> , Два журнала – две латиноамериканистики	97

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Горюшина

Экономическая динамика в Аргентине, Уругвае и Парагвае XIX и XX веке

Автор анализирует экономические институты и процессы в Латинской Америке. Анализируется экономическая региональная динамика в контексте истории Аргентины, Уругвая и Парагвая.

Ключевые слова: экономические институты, экономические процессы, Аргентина, Уругвай, Парагвай, регионализация

The author analyzes economic institutions and processes in Latin America. Economic dynamics in the regional context of the history of Argentina, Uruguay and Paraguay is analyzed.

Keywords: economic institutions, economic processes, Argentina, Uruguay, Paraguay, regionalization

Специфика экономического развития Латинской Америки во многом определялась запоздалым по сравнению с Европой вступлением на путь буржуазного прогресса. Гигантский разрыв исходных уровней развития Старого и Нового Света, обусловленный объективными историческими причинами, предопределил включение латиноамериканских стран в единый мирохозяйственный комплекс сначала путем колонизации, а затем неравноправных отношений зависимости от передовых центров мирового капитализма. Основой ускоренного перехода региона к капитализму стало приобщение его к мировому капиталистическому рынку в качестве периферийного аграрно-сырьевого звена.

Если рассматривать пример Аргентины, то развитие экономического потенциала страны, улучшение уровня жизни, приобретение политической стабильности ускорилось после того, как президентом в 1868 году был выбран Д.Ф.Сармьенто. После чего последовали радикальные преобразования в социально-экономической и политической жизни государства. Это положительно сказалось на долгосрочной перспективе, поскольку уже к началу 20 века Аргентина получила статус одного из самых развитых государств мира, на международной арене отмеча-

лась высокая динамика развития основных показателей. Страну можно было назвать перспективным уголком мира. Достаточно отметить, что в 1870–1914 гг. ВВП Аргентины в среднем рос на 5,61% в год, тогда как у Канады этот показатель составил 3,77%, у США – 3,66, у Австралии – 3,35% [1]. Почти 6% ежегодного прироста ВВП в течение 43 лет - до 1914-го - самый высокий показатель, который когда-либо был зафиксирован в мире [4]. Аргентина была в десятке самых богатых государств мира после Австралии, Великобритании и Соединенных Штатов, опережая Францию, Германию и Италию. Доход на человека достигал 92% соответствующего среднему показателю 16 развитых стран мира. В результате Аргентина по объему душевого ВВП опередила многие ведущие державы: Австрию, Испанию, Россию, Францию, Японию [8, с. 12 – 14].

Причины подобного успеха кроются в нескольких составляющих. Это, прежде всего, богатство природных ресурсов и большая протяженность территории, которые позволили развивать отрасли экономики, опираясь на свои собственные ресурсы. Немалую роль сыграло и огромное количество мигрантов, уже с середины 19 века в страну начали прибывать мигранты из стран Европы в поисках работы, привлекаемые новыми перспективами в Аргентине. Так, к началу 20 века около половины населения столицы-Буэнос-Айреса населяли мигранты. Довольно квалифицированная рабочая сила дала новый импульс экономике страны, открылась возможность использования передовых технологий, например в сельском хозяйстве. Таким образом, к концу 19 века экономика Аргентины покоилась на двух прочных столпах — животноводстве и земледелии. Она становится одним из лидеров в экспорте зерновых и иной сельскохозяйственной продукции, а животноводство было связано с выращиванием скота и экспортом мороженого мяса, 2/3 которого поставлялось в Великобританию.

Однако, Аргентина не долго смогла удерживать статус экономического лидера и после 1914 года начался процесс стагнации. Мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 году, резко изменил положение континента. Спрос на латиноамериканские товары упал, стоимость экспорта уменьшилась на 2/3. Образовались громадные излишки продукции. Чтобы удержать цены, в Латинской Америке топили кофе в море и сжигали пшеницу в паровозных топках. Кризис ярко продемонстрировал степень экономической зависимости Латинской Аме-

рики. В 30-х годах правительства ее стран стали искать пути ослабления этой зависимости. Делались попытки сделать экспорт более многообразным.

Основной причиной проблем Аргентины являлась сырьевая ориентация экономики и отсутствие развитой индустриальной базы, конкурентоспособной промышленности. Во многих странах от производства одного-двух экспортных продуктов зависела вся экономика, хозяйство приобрело монокультурный характер. Так, Аргентина была главным поставщиком вина и мяса, в то время как экономика Уругвая зависела от поставок шерсти и мяса.

Важным фактором упадка стало сосредоточение большого объема капитала страны в иностранных руках, особенно Великобритании. В 1914 году иностранные капиталовложения в Латинской Америке превысили 9 млрд. долл. 5 млрд. из них составили британские инвестиции. Первая мировая война нанесла торговле мощный удар, а также на долгие годы лишила страну привычного уровня инвестиций. Получается, что в 20 веке Аргентина не вписывалась в общую картину мира. Ее экономика росла, благодаря экспорту, но тогда провалилась система либеральной торговли [4].

Перемены к худшему начались в Аргентине во время глобального кризиса 1929 года. Крах американских бирж и последовавшая затем Великая депрессия в США и Европе ударила в первую очередь по производителям сырья, в том числе и сельскохозяйственного. При этом Аргентину изначально задело не так сильно, как сопредельные государства: уже к середине 1930-х ей ненадолго удалось вернуться к устойчивому экономическому росту [7]. Однако с приходом к власти одной из главных политических фигур Латинской Америки 20 века Хуана Перрона, и несмотря на его политику преодоления расслоения и восстановления социального мира в обществе, экономике Аргентины был нанесен колоссальный урон. В случае малейших затруднений его правительство раз за разом включало печатный станок, усиливая таким образом инфляцию. Кроме того, Перону не удалось найти замену британскому капиталу, доминировавшему в стране в 19 и первой половине 20 века. Проект развития импортозамещающей промышленности также провалился, а огромные инвестиции в него со стороны государства привели к тому, что традиционный аграрный сектор оказался предоставлен сам себе и его развитие приостановилось. Уже в середине

20 века, когда внутривнутриполитическое противостояние обострилось в максимально возможной степени, экономика практически перестала расти, и возникла ситуация, которая была названа «социализм без плана, капитализм без рынка», то есть в одной стране сочетались худшие черты обеих социально-экономических систем.

В последние десятилетия XX столетия в странах Латинской Америки проводились структурные преобразования. За этот период произошел исторический поворот стран региона от прежней модели развития, которая именовалась моделью государственного капитализма, к новой -неолиберальной. Прежняя модель экономического развития, предложенная учеными экономической комиссии ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна, в частности, аргентинским экономистом Раулем Пребишем, строилась на замкнутости внутренней экономики, ее независимости от внешней конкуренции и внедрении импортозамещающей индустриализации при активном участии государства в экономических процессах. Несостоятельность подобного подхода, которая проявилась во второй половине прошлого столетия, и необходимость появления другой конкурентоспособной модели явились стимулом для создания новой концепции развития, подразумевавшей коренные экономические преобразования. Такой моделью был признан неолиберальный проект.

Одним из лидеров среди стран-реформаторов стала Аргентина. Первые попытки осуществить структурные преобразования предпринимались военными властями в середине 70-х годов, а затем правительством Р. Альфонсина в середине 80-х (план Аустраль), но они не принесли ожидаемых результатов. И лишь с приходом демократического правительства К.Менема в конце 80-х - начале 90-х годов в стране начался новый этап проведения неолиберальных реформ, первые положительные результаты которых стали ощутимыми уже к середине 90-х. Можно отметить целый цикл глубоких и радикальных преобразований в этот период: либерализация торговли, приватизация, налоговая и финансовая реформа, наряду с этим шел процесс активного включения страны в МРТ, ее участия в международных интеграционных группировках. Следует рассмотреть период первых успехов новой неолиберальной модели. Так, в 1990 - 1994 годах темпы прироста валового внутреннего продукта на душу населения возросли с (-1,4%) до 6,1%, а темпы прироста

частного потребления на душу населения увеличились с (-3,4%) до 3,6% [5, с. 4 – 5]. В начале 90-х годов экономические показатели Аргентины стали постепенно стабилизироваться.

Однако конец 90-х годов ознаменовался резким ухудшением социально-экономического положения Аргентины и последовавшим за этим глубоким экономическим, банковским и финансовым кризисом. Новой «Великой депрессией» для Аргентины стал финансовый кризис 1998 года, в очередной раз ударивший по ценам на сырье. Капитал ушел из нестабильной аргентинской экономики, и банковская активность фактически замерла. В конце концов, правительство страны было вынуждено объявить дефолт, на тот момент крупнейший в мировой истории.

В 80-90-е годы 20 столетия Аргентина, как и многие другие страны Латинской Америки, попыталась осуществить беспрецедентный стратегический поворот от модели, ориентированной «во внутрь», к развитию, разворачивающемуся «вовне», от модели, где господствующую роль играло государство, к модели, где ведущая функция принадлежит частному сектору. С тех пор развитие аргентинской экономики можно назвать относительным.

Что касается Уругвая то в конце 19 – начале 20 века, когда в стране наступила политическая стабильность, а Бразилия и Аргентина больше не имели такого сильного влияния на состояние дел в Уругвае, экономическое положение в стране значительно улучшилось. Экономическому росту способствовало успешное развитие сельского хозяйства и, прежде всего, скотоводства, выход на внешний рынок и большой приток иммигрантов из Европы. В целом, причины улучшения экономической ситуации в начале прошлого столетия в обоих государствах схожи, что позволило им приобрести статус лидеров во всем латиноамериканском регионе.

Преимущественно скотоводческое сельское хозяйство Уругвая, ориентированное в основном на экспорт мяса и шерсти, обеспечивало процветание страны на протяжении большей части 20 столетия. На протяжении первой половины прошлого века Уругвай, вероятно, являлся наиболее благополучным и зажиточным государством региона. Как и Аргентина с его аграрно-ориентированной монокультурной экономикой Уругвай не смог достаточно успешно адаптироваться к трансформациям мировой экономической системы в послевоенный период, что в

итоге к привело к закату уругвайского процветания и периоду нестабильности во всех сферах жизнедеятельности [6, с. 2].

В годы Второй мировой войны, а также в послевоенное время были достаточно благоприятными. Большую роль в этом сыграло тесное сотрудничество с Соединенными Штатами. В годы Корейской войны 1950—1953 годов Уругвай стал одним из крупных поставщиком шерсти на американский рынок. Но после её окончания все слабые стороны экономики явно себя проявили. Падение мировых цен на шерсть спровоцировало кризис в сельском хозяйстве. Так, дефицит торгового баланса страны приобрёл хронический характер, а в 1957 году он достиг внушительный для Уругвая суммы в 117 млн. долларов при среднем объёме товарооборота в 1956—1957 годах в 400 млн. долларов [2]. Американский исследователь М. Финч отмечает, что с середины 1950-х годов характерной чертой уругвайской экономики стала стагнация промышленности, падение ВВП и рост инфляции.

В целом экономические процессы, характерные для Аргентины второй половины 20 века, можно было увидеть и в Уругвае. Первая, а затем и вторая волна неолиберальных реформ имели неоднозначные результаты. Страны региона резко понизили участие государства в экономике, окончательно отказавшись от проведения политики протекционизма, сняли практически все ограничения на деятельность иностранного капитала, еще больше расширили практику внешних заимствований. На первом этапе рыночные преобразования, как правило, придавали импульс экономическому росту, способствовали модернизации, то впоследствии возникал эффект торможения, а в ряде случаев – реформы заканчивались рецессией и глубокими хозяйственными провалами.

Таким образом, можно подвести итог, что развитие экономических отношений в странах региона Ла-Платы было довольно равномерным. После обретения независимости и долгого периода политической нестабильности экономика государств стала выходить на новый уровень. Развитие отраслей сельского хозяйства, крупные иностранные инвестиции, ориентация на экспорт помогли заметно улучшить экономическое положение, Аргентина и Уругвай приобрели статус экономических лидеров во всем регионе Латинской Америки в конце 19 – начале 20 века. Внутриполитическая обстановка оказывала непосредствен-

ное влияние на экономические процессы в государствах, поэтому преобразования, как и всё состояние экономики зависело от правящих режимов конкретной страны. Важной причиной многочисленных экономических проблем, которые сопровождали страны на протяжении всего 20 столетия, являлись мировые кризисы, которые особо остро сказывались на зависимых от внешних факторов экономиках региона.

Мексиканский кризис стал первым звеном в цепи социально-экономических потрясений в странах Латинской Америки в 90-е годы. Слишком большой объем неолиберальных реформ, а также критическое увеличение зависимости государств региона от внешних факторов нанесли тяжелые удары по крупнейшим экономикам – бразильской и аргентинской. Стоит также заметить, что свою негативную роль сыграли азиатский финансовый кризис 1997 года и российский – 1998 года, усугубившие проблемы стран на мировых рынках. Особенно сильно пострадала аргентинская экономика, тем самым окончив неолиберальные эксперименты и став точкой отсчета нового политического и экономического времени в регионе. Поэтому, важным этапом стабилизации экономической ситуации стало подписание соглашения между Аргентиной, Бразилией, Уругваем и Парагваем о создании в 1991 году организации Меркосур [3].

Таким образом, Общий рынок стран Южной Америки, основной целью которого является обеспечение экономического роста его участников благодаря свободной торговле и эффективному использованию инвестиций и повышение международной конкурентоспособности экономик государств. Тем самым, создание данной организации на годы вперед определило экономическую политику стран-участниц, способствуя тесному сотрудничеству и экономической интеграции в регионе.

Библиографический список

1. Cachanosky R. El syndrome argentino: del Estado de crisis a la crisis del Estado / R. Cachanosky. – Buenos Aires, 2006. – С. 28
2. [Instituto Nacional de Estadística y Censos \[Electronic resource\]. - URL: http://www.indec.mecon.ar/](http://www.indec.mecon.ar/)
3. Tratado de Asunción para la Constitución de un Mercado Común [Electronic resource] // Mercosur. – URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/719/1/CMC_1991_TRATADO_ES_Asuncion.
4. Аргентина: 100 лет упадка // ПрессОрг24. – 2014. - №5. – С. 2
5. Аргентинский кризис: Причины, последствия, уроки: Материалы дискуссии в Институте Латинской Америки РАН//Латинская Америка. - М., 2002. - № 4. - С. 4-5.
6. Барабанов М. Рынок вооружений Уругвая / М. Барабанов // Экспорт вооружений. - 2012. - №4. – С. 2
7. Мигунов Д. Когда век прошел впустую / Д. Мигунов // Lenta.ru. – 2014. - №1.
8. Яковлев П. П. Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине. – М.: Прогресс-Тр

Политические процессы в субрегионе Ла-Платы на современном этапе

Автор анализирует политические институты и процессы в Латинской Америке. Анализируется политическая региональная динамика в контексте истории Аргентины, Уругвая и Парагвая.

Ключевые слова: политические институты, политические процессы, Аргентина, Уругвай, Парагвай, регионализация

The author analyzes political institutions and processes in Latin America. Political dynamics in the regional context of the history of Argentina, Uruguay and Paraguay is analyzed.

Keywords: political institutions, political processes, Argentina, Uruguay, Paraguay, regionalization

Существенно возросший экономический потенциал стал материальной основой, на которой в 21 веке формировалась новая геополитическая модель внешних связей и выстраивалась региональная иерархия стран Латинской Америки. Регион переживает период повышенной международно-политической динамики, которому свойственны две главные черты: интенсификация внутрорегиональных взаимодействий и поиск новых перспективных внерегиональных партнеров.

Всплеск центростремительных усилий – важная примета текущего момента, глубоко осознанный и выстроенный латиноамериканскими лидерами экономический и политический принцип. За последнее десятилетие здесь возникли новые интеграционные объединения, охватившие все без исключения государства Латинской Америки и ставшие составным элементом не только региональной, но и общемировой картины [7, с. 10].

Латинская Америка вступила во второе десятилетие 21 века как постоянная величина современной полицентричной системы международных отношений, неотъемлемый атрибут мировой динамики. Это стало результатом глубоких внутренних трансформаций и в целом благоприятной глобальной конъюнктуры. Участие Аргентины, Бразилии и Мексики в работе большой двадцатки, а Бразилии – и в группе БРИКС, развертывание в новых форматах интеграционных процессов в самом регионе, торгово-экономический разворот целого ряда ведущих латиноамериканских стран в сторону Тихоокеанской Азии, перезагрузка латиноамерикано-европейских отношений – все эти события

и явления прямо указывают на происходящие на латиноамериканском пространстве геополитические сдвиги.

Политическим выражением общественных процессов в Латинской Америке, связанных с проблемами преодоления негативных последствий неолиберальных реформ 90-х годов, стал приход к власти электоральным путем целой группы левоориентированных правительств, что получило наименование левый поворот. Как подчеркивала российский ученый П. П. Яковлев, «мотор социального недовольства привел в движение ранее инертные слои латиноамериканского общества и ускорил их политизацию, что наглядно проявилось в ходе избирательных кампаний последних лет» [10, с. 82].

Начало этим политическим изменениям положила победа на президентских выборах 1998 года в Венесуэле Уго Чавеса. Вслед за этим в 2002 году к власти в Бразилии приходит Л.И. Лула да Силва, в 2003 году президентом Аргентины становится Нестор Киршнер, в 2004–2006 гг. в Уругвае побеждает кандидат Широкого фронта левых сил Табаре Васкес. Все они олицетворяли левую политическую волну и, так или иначе, выступали за альтернативную неолиберализму политику социально-экономического развития.

Разумеется, в условиях утвердившейся в регионе электоральной демократии стала возможна активизация альтернативных неолиберализму движений. В атмосфере гражданских и политических свобод различные сегменты гражданского общества смогли выйти на авансцену национальной политики и артикулировать насущные интересы массовых слоев. Эти настроения были подхвачены политическими лидерами левого толка, которые сумели возглавить начавшийся процесс перемен.

Новый социально-экономический курс в странах левого поворота можно определить как государственническую политику, нацеленную на создание современного социально ориентированного и социально ответственного капиталистического общества.

Реализация названного курса в практическом плане и в общем виде – в качестве основных трендов – предполагает следующее:

- повышение роли государства во всех сферах общественной жизни, начиная с экономики и заканчивая информацией;

- усиление роли и влияния исполнительной власти за счет других ее ветвей (законодательной и судебной);
- отчетливое стремление власти ограничить автономию институтов гражданского общества, подчинить их государству;
- выстраивание такой политики, когда при формальном сохранении демократического строя происходит значительное укрепление позиций одной партии, регулярно побеждающей на выборах и доминирующей в общественно-политической жизни. Речь, по сути, идет об авторитарных тенденциях, характерных для большинства стран левого поворота;
- широкое использование популистских и националистических лозунгов.

Стратегическая задача современных левых режимов – доказать, что в рамках парадигмы левого поворота возможно обеспечить сочетание экономического роста и социального прогресса [2]. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для оценки реальных возможностей и перспектив новой общественной модели, отрицающей основные постулаты неолиберального фундаментализма и реанимирующей государствоцентричные методы управления. Есть все основания утверждать, что именно активная роль государства позволила большинству ведущих латиноамериканских стран сравнительно легко пройти острую фазу глобального кризиса 2008–2009 гг. и укрепить свои позиции на международной арене [1].

Вместе с тем результаты деятельности левоориентированных правительств в различных странах Латинской Америки существенно разнятся. Наибольших успехов достигла Бразилия, сумевшая поднять уровень экономического развития, снизить бедность, отодвинуть от миллионов граждан угрозу голода и ставшая восходящей мировой державой. Однако сложнее обстоят дела в Аргентине, где правящие круги напрямую пользовались понятием популизма, и экономика оказалась под гнетом огромных социальных обязательств.

Для того, чтобы понять современные тенденции политических элит Аргентины, необходимо рассмотреть аргентинскую партийную систему, которая некогда считалась самой развитой в регионе, в 20 веке пережила сложный период, связанный с прецедентами военного правления и сопровождавшийся запрещением или ограничением легальной деятельности партий

и представительных институтов. После 1983 года в стране возродилась многопартийная система, отражающая широкое разнообразие политических взглядов и позиций.

Первое десятилетие 21 века характеризовалось невероятными переменами во внутренней и внешней политике аргентинского государства. Аргентина – одна из стран классического неолиберализма в 90-ые годы при президенте К. С. Менеме превратилась в страну, придерживающуюся стратегии левого поворота. Однако следует отметить, что левый поворот в Аргентине, связанный с именем Н. Киршнера, нельзя ставить в один ряд с феноменом левого поворота в Венесуэле, Эквадоре или Боливии [9, с. 5]. При этом надо иметь в виду, что данная стратегия аргентинской элиты абсолютно исключала стратегию глубинных преобразований, при этом заслужив симпатии важнейшей части электората, который определяется как прогрессистский.

На протяжении последних электоральных циклов наибольшее влияние на политическую жизнь страны оказывали перонисты, которые представлены несколькими организациями, включая Хустисиалистскую партию и её парламентского союзника — движение Фронт за победу, а также партия Гражданский радикальный союз. Она является старейшей из ныне существующих партий Аргентины и считается умеренно левой. Хустисиалистская партия является наследницей Националистического хустисиалистского движения, созданного еще Хуаном Пероном. Основным декларируемым принципом партии является построение справедливого общества. Фронт за победу, созданный президентом Нестором Киршнером в 2005 году, также является перонистской партией, а его идейная платформа, равно как и социальная база во многом совпадают с идейным багажом Хустисиалистской партии. Однако, следует отметить, что от главных партий страны постоянно откалываются различные движения и малые партии, что способствует дальнейшей фрагментации партийной системы.

В целом, программу постнеолиберального тренда в Аргентине можно сформулировать следующим образом: во-первых, это усиление роли государства во всех сферах жизни в противовес неолиберальным тенденциям; во-вторых, это восстановление роли партийной системы, которая практически находилась в руинах после радикальных неолиберальных экспериментов девяностых; наконец, в-третьих - это усиление роли и зна-

чения общественных организаций и движений. Между тем реально киршнеризм возрождает традиционную перонистскую властную пирамиду, или жесткую вертикаль. Особое значение в аргентинском постнеолиберализме имеет конструирование образа врага аргентинского народа. Подобная конструкция программы киршнеризма привела к повороту левых сил в сторону нового перонизма. В этой связи интересна новая внешняя политика современной Аргентины. В целом можно сделать вывод, что в Аргентине сложился не радикальный и популистский вариант левого поворота, но прагматический и институционалистский. С точки зрения внутренней политики позиции аргентинского режима продолжали укрепляться, несмотря на рост оппозиции. Парадокс состоит в том, что аргентинская оппозиция остается расколотой и аморфной силой. В целом необходимо подчеркнуть, что аргентинский режим был и остается самым умеренным среди левоцентристских режимов Латинской Америки. В этом смысле в Аргентине освоен опыт других левых режимов Латинской Америки, в которых именно быстрота преобразований и чрезмерный радикализм вызвали последующие социальные и экономические трудности.

Однако, несмотря на, полную электоральную поддержку, семейный тандем, чья политическая деятельность получила название киршнеризма, имел свою специфику. Так, сложившуюся ситуацию описывал аргентинский аналитик Х. Моралес Сола. В своей статье под весьма характерным заголовком «Власть как частная собственность», он пишет, что особенность правления семейства Киршнеров состоит в недооценке роли партий и постоянных столкновениях с важными социальными секторами: предпринимателями, церковью, непокорной прессой, все они были и остаются носителями «антипатриотических» идей. Когда Родина — это собственность немногих, остальные неминуемо превращаются во врагов, которых надлежит занести в проскрипционные списки [6, с. 37].

Политическая жизнь в Аргентине, в отличие от ближайших соседей — Уругвая и Бразилии, имеет тенденцию к движению назад к периоду доминирования перонизма. Вместе с тем имеются признаки того, что постепенно зреют силы, способные покончить с монополизмом и концентрацией власти в руках одного клана. Серьезные экономические проблемы, с которыми столкнулась администрация К. Киршнер, вновь породило волну недоверия к политической системе. В отличие от стран западно-

европейской или американской демократии, в случае каких-либо неудач конкретного правительства резко усиливается недоверие к системе в целом, а не только к конкретным лицам или институтам [5, с. 4 – 5].

Что касается политических событий в Уругвае, то сначала 1990-х годов возникло значительное умеренное левое движение под эгидой Широкого Фронта, что привело к разрешению дуополии Колорадо и Бланко – двух партий, которые заложили свои основы еще в 19 веке. Политическая система страны, характеризуется высокой стабильностью, - особенно с учетом нынешней политической обстановки в регионе. Важно отметить, что три политические партии, которые претендовали на победу в 2015 году, уже были у власти за последние три десятилетия. Это обеспечивает законодательной и политической системе Уругвая высокую степень предсказуемости.

Левое крыло политической системы Уругвая в первый раз пришло к власти в 2005 году с президентом Табаре Васкесом. В 2010 году Широкий фронт снова выиграл выборы, и страна находилась под руководством президента Хосе Мухики. Несмотря на свою принадлежность к левым кругам два последних президента Уругвая заняли весьма умеренную центристскую политику, оба они избегали популистских режимов, а их экономическая политика характеризуется прагматизмом.

В конце 2014 года на выборах победу одержали левые силы, а к власти снова вернулся Табаре Васкес. Премьер-министр Аргентины Хорхе Капитанич выступил на пресс-конференции в Доме правительства, где сделал заявление по поводу победы на президентских выборах в Уругвае кандидата от левой коалиции Широкий фронт Табаре Васкеса. Хорхе Капитанич подчеркнул, что Аргентина приветствует победу Т. Васкеса. И что строительство двусторонних отношений между Аргентиной и Восточной Республикой Уругвай будет благоприятным. Позитивная реакция властей Аргентины на избрание Табаре Васкеса весьма значима, так как именно в период его первого президентства между двумя странами вспыхнул спор по поводу строительства целлюлозных комбинатов, переросший в масштабный дипломатический конфликт. Конфликт завершился в 2010 году, в период президентства Кристины Киршнер и Хосе Мухика, созданием совместной координационной комиссии по деятельности на реке Уругвай.

Посол Аргентины в Меркосур Хуан Мануэль Абал заявил, комментируя победу левых в Уругвае: «Политики, которые ставят своей задачей решение социальных проблем, — самые прочные. Избиратели в ряде стран Латинской Америки в 2014 году проголосовали за продолжение курса на общественную интеграцию и упрочение социальной справедливости. И подтверждение тому переизбрание на президентские посты Дилмы Руссефф в Бразилии и избрание Табаре Васкеса в Уругвае. Строя общее будущее, Аргентина и Уругвай должны быть вместе» [3].

Стоит также отметить, что характерной чертой аргентинской модели развития, сложившейся в годы правления Н. Киршнера и окончательно оформившейся в президентство К. Фернандес де Киршнер, стало тотальное доминирование института исполнительной власти. Нажиму подверглись судебные органы, в прямую зависимость от государственных субсидий были поставлены средства массовой информации. Страна разделилась на сторонников и противников модели.

Однако с 2011 года в экономике стали возникать очевидные проблемы, и смена в настроениях социума привела к формированию больших оппозиционных групп населения, преимущественно из средних городских слоев. Недовольство наступлением правительства на права граждан и усилением авторитарных тенденций в управлении государством, усталость от нарастающей и во многом провоцируемой властью атмосферы поляризации и конфликтности вылились в массовые протестные акции 2012–2013 гг [8, с. 11]. Протесты способствовали оживлению оппозиции, которая практически исчезла в лучшие годы правления Киршнеров.

В 2013 году на аргентинском политическом горизонте, впервые за годы безальтернативного правления семейства Киршнеров, появилось сразу несколько потенциальных лидеров, заявивших о своих президентских амбициях. Главные из них и стали участниками последнего президентского марафона.

Незавидное положение левых режимов, правивших бал в течение последних 15 лет, говорит о возможном начале конца популистской эры. Именно результаты последних выборов в Аргентине трактуются как начало правого поворота.

Большая часть аргентинского общества выступала за перемены. Созданная Киршнерами модель управления рухнула под тяжестью разных факторов, не в последнюю очередь — из-за ошибок и некомпетентности руководителей. Поднялся нацио-

нальный бизнес, сформировался слой высококвалифицированных управленцев, окрепла политическая оппозиция, вырос средний городской класс. К 2015 году их союз и привел к победе на президентских выборах нового лидера [4].

В заключении стоит отметить, что по совокупности личных качеств и исторических обстоятельств, многие эксперты считают, что Маурисио Макри может стать первым аргентинским президентом, способным обеспечить качественный прорыв Аргентины в разряд развитых и демократических стран, о чем мечтает уже не одно поколение ее сограждан. Новое правительство подготовил пакет реформ, направленных на масштабную трансформацию прежнего режима. Главный принцип деятельности – открытость, главная цель – благополучие граждан и новое позиционирование страны на международной арене. Одним из инструментов «программы спасения» должна стать внешняя политика, основной задачей которой будет привлечение в Аргентину иностранных инвестиций.

Однако победа М. Макри отнюдь не означает, что Аргентина под его руководством превратится в прозападную державу с развитой рыночной экономикой. Еще в ходе своей предвыборной кампании, он заявлял, что курс на региональную интеграцию - одно из приоритетных направлений нового правительства, но при этом делался значительный акцент на улучшение отношений с США и интеграционные процессы со странами ЕС, что в корне отличает от политики прежнего политического курса. Но учитывая тяжесть киршнеристского наследия и международный контекст, новой команде придется решать непростые задачи.

Библиографический список

1. Albrieu R. La crisis global y sus implicaciones para América Latina / R. Albrieu, J. Fanelli. - Madrid, 2010. – P. 210
2. Malamud C. Populismos latinoamericanos. Los tópicos de ayer, de hoy y de siempre / C. Malamud. – España, 2010. - P. 13
3. Telam [Electronic resource]. - URL: <http://www.telam.com.ar/resultados.php?q=Juan+Manuel+Abal&cx=0181158=ISO-8859-1>
4. The end of populism [Electronic resource] // The Economist. - 2015. – URL: <http://www.economist.com/news/americas/21679249-mauricio-macris-victory-could-transform-his-country-and-region-end-populism?zid=309&ah=80dcf9577f0e>
5. Воронов А. К. Уроки аргентинского краха / А. К. Воронов // Латинская Америка. - 2007. - № 2. - С.4-5
6. Дабагян Э. Аргентина: зигзаги политического развития / Э. Дабагян // Свободная мысль. – 2013. - № 11. – С. 37
7. Лавут А. А. Поиски латиноамериканской модели / А. А. Лавут // Латинская Америка. – 2011. - №2. – С. 10
8. Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама / З. В. Ивановский [и др.]. - М.: ИЛА РАН, 2015. – С. 11
9. Слинько А. А. Постнеолиберальный тренд в аргентинской внутренней и внешней политике/ А.А. Слинько // Политические изменения в Латинской Америке. – 2015. – №1. – С. 5
10. Яковлев П. П. Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – С. 82

НАЦИОНАЛИЗМ И ИСТОРИОГРАФИЯ: СЕРИЙНОСТЬ, УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ, НЕИЗБЕЖНОСТЬ И ОПЫТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

М.В. Курчанов

Национализм, история, память: воображение, изобретение и политические манипуляции (от европейского историографического опыта к латиноамериканистике)

Автор анализирует теоретические связи национализма и истории. Предполагается, что история активно используется для развития национальных идентичностей. Национализм имеет сложные отношения с историей. Националисты склонны проецировать на историю политические и идеологические мифы. Исторические штудии были важным фактором в истории и развитии европейских национализмов. Автор полагает, что латиноамериканские национализмы развивались в системах политических и социальных координат, которые были идентичны европейским или имели много общего с ними. Предполагается, что теоретические идеи и методологические принципы, которые сформировались в изучении европейских национализмов, применимы для изучения отношений историографии и национализма в Латинской Америке.

Ключевые слова: история, историография, национализм, идентичность, Латинская Америка

The author analyzes theoretical connections of nationalism and history. It is assumed that history is widely used for development of national identities. Nationalism has a complicated relationship with history. Nationalists tend to project on history political and ideological myths of their own. Historical Studies were an important factor in a history and development of European nationalisms. The author believes that Latin American nationalisms developed in the political and social systems of coordinates, which were identical to European or had much in common with them. It is assumed that theoretical and methodological principles of ideas that emerged in studies of European nationalisms are useful for analysis of relationship of historiography and nationalism in Latin America.

Keywords: history, historiography, nationalism, identity, Latin America

История всегда была связана с национализмом. Декларации взаимосвязи и зависимости истории и национализма успели стать общим местом, как в академической историографии, так и в разного рода политически ангажированной публицистике, сфокусированной на разоблачении тех или иных извлеченных

ушлыми российскими СМИ из советского небытия «буржуазных националистов». В данном контексте постсоветские дебаты, дискуссии, а иногда и вообще склоки, нас не интересуют – для нас интересны преимущественно теоретические проблемы связи исторической науки и национализма, так как данная статья позиционируется Автором как вводная в тему взаимосвязи истории и национализма, чему посвящен один из разделов актуального номера «Политических изменений в Латинской Америке».

Проблемы политического использования истории, связи и взаимозависимости истории и национализма, истории и национального строительства в большей степени характерны для центрально- и восточноевропейского исторического дискурса и неподготовленному читателю может показаться, что эта проблема в отношении Латинской Америки и латиноамериканского социального, культурного и политического опыта является надуманной, искусственно перенесенной, трансплантированной из европейского исторического контекста в качественно другие, отличные от него, латиноамериканские исторические и культурные пространства. Однако, это совершенно не так – латиноамериканские идентичности в период своего формирования и возникновения активно манипулировали историей. Эта тематика для современной Латинской Америки не столь актуальна в силу того, что она не так болезненна в отличие от проблем исторической памяти, которая вкупе с политическими дебатами и дискуссиями, болезненными воспоминаниями об исторически и политически неприятном прошлом, не дает покоя интеллектуалам в странах Южной Америки.

Поэтому, целью данной статьи является показать то, что история и национализм имеют тесные связи. Что касается задачи статьи, то в качестве основной Автор склонен видеть следующую: доказать, что опыт европейских историографий, полученных в результате изучения сложных отношений между национализмом и историей, вполне применим для анализа аналогичных процессов в латиноамериканском контексте.

Несмотря на то, что роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стали предметом тщательного исследования [21, с. 260], историки играют важную роль в развитии национализма, так как история историков является и их идентичностью [2, р. 52]. Восприятие прошлого имеет важное значение для легитимации современ-

ных идеологий, а современные политические и идеологические сражения могут быть выиграны благодаря подчеркиванию определенных и замалчиванию других моментов истории [1, р. 532].

Современная историческая наука сформирована традицией создания национальных историй, призванных наделить читателей коллективной идентичностью. Поэтому, националисты склонны писать истории под себя. Националистическая история является конструированием нации [13, с. 113]. История делает существование нации законным: без истории нация не является нацией и поэтому императив о написании истории очень важен для любых националистов – поэтому, история используется для легитимации государства, для борьбы за равноправие с другими народами [7, р. 470]. Развитие национальной историографии представляет собой часть эволюции современной идентичности [16, с. 187], а дебаты по поводу прошлого обычно сопровождают формирование нации [15, с. 240]. При этом, у национализма очень непростые отношения с историей [13, с. 113]. Поэтому, содержание работ по истории субординировано по отношению к конкретным механизмам контроля государства и / или доминирующих элит и является частью процесса формирования нации и лояльных граждан [8, р. 1].

Создание национальной историографии играет определяющую роль в формировании современной идентичности [14, с. 294], а история может использоваться для консолидации политических режимов [1, р. 531]. История национализма – это в такой же степени история тех, кто о нем повествует, а национальные идеологии в значительной степени опираются на этнические версии истории [23, с. 518]. В ряде случаев попытки написания национальной истории совпадают с самими процессами формирования национальной идентичности [22, с. 338]. Национализм может выступать в качестве позитивного фактора для развития исторического знания, так как поддерживает создание исторических описаний нации [13, с. 113]. Восприятие истории было и остается основным полем битвы за идентичность [15, с. 219]. Множественность идентичностей в современном мире осложняется присутствием сильных региональных традиций [20, с. 378].

Противоречия между академическими и политическими мотивациями в изучении прошлого является неизбежными [1, р. 533], хотя именно историки играют выдающуюся роль среди

создателей и приверженцев национализма. Историки внесли весомый вклад в развитие национализм, заложив моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах. Историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты [21, с. 236]. История всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний [14, с. 485], а исторические концепции должны были придать уверенность доминировавшему большинству [23, с. 11]. Применение истории не ограничивается изучением только прошлого, а написание истории является и результатом социальных позиций [2, р. 42] потому, что история стала важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности [17, с. 485].

Эти социальные позиции формируют условия существования идентичности, которая служит для проявления самости.. Во все эпохи и в каждом обществе историография подчиняется политике [19, с. 114], а исторический дискурс в тех или иных обществах нередко призван показать политическую независимость как возвращение к истокам [18, с. 439]. Объективно история, как и любая другая история, пишется в определенном контексте и представляет собой проект определенного типа [2, р. 41]. Поэтому, при написании национальной истории неизбежно доминирует своеобразный этноцентризм [22, с. 337], а сама история переместилась в центр исторических дебатов [6, р. 631]. Заинтересованность в тех или иных исторических темах зависит от региона и потенциально может скорее разъединить, чем объединить и сформировать единое историческое видение [15, с. 235].

Политизация и национализация истории начинается на уровне среднего образования потому, что школы и учебники – важные звенья в той цепи, при помощи которой современные общества сохраняют идею гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагают своему сообществу и будущее, но национальные нарративы, как и сами учебники, представляют собой далеко незаконченные проекты, которые требуют постоянной ревизии и реинтерпретации [4, р. 3], что имеет место в условиях политического транзита: например, после краха коммунизма историки оказались вовлеченными в поиск новых парадигм для написания истории [5].

Объективно история пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности [2, р. 41]. Вероятно, конструируя прошлое, политические элиты стремятся обеспечить будущее, основанное на соответствующем образе интерпретированном или реинтерпретированном прошлом [23, с. 12]. В такой ситуации написание и описание истории может иметь некоторые системные особенности, включая крайнюю политизацию историографии, монополизацию историографического производства и высокую степень политизации исторических дебатов [17, с. 491]. Эти особенности вполне могут быть определены как «концептуальные изъяны историографии» [22, с. 343]. История может стать, в зависимости от ситуации, важным политическим фактором, а историография может существовать в условиях конфликта между интересами исследования и требованиями текущей политики [6].

Восприятие истории может стать причиной мобилизации, легитимации, политизации национальной идентичности [10], а политический авторитаризм в состоянии сформировать достаточно эффективную систему контроля над исторической продукцией [23, с. 20]. Этот контроль позволил взять под контроль основные направления развития исторической науки потому, что, например, провозглашенная денационализация истории, целенаправленное создание истории классов и классовой борьбы, жесткий идеологический пресс, тотальный контроль, отрицание историографического наследия прошлого – все это делало априорно невозможным дальнейшее развитие исторической науки в направлении создания национальной истории [22, с. 350 – 351].

Известно, что постсоветские интеллигенции столкнулись с кризисом написания истории [6, р. 631], а высокая степень политизации историографии объясняется незавершенностью процесса политического строительства [17, с. 494]. Поэтому, история является представлением о прошлом, тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент [3, р. 195]. Это было характерно для авторитарных обществ, где историческая наука частью советского интеллектуального сообщества, и, где ей были в равной мере присущи унифицированность исторического мышления и ограниченность методологического кругозора [22, с. 351].

В советском случае националистически настроенная интеллектуальная элита была вынуждена адаптировать специфику националистической риторики к требованиям советского идеологического текста [11, с. 150]. В такой ситуации преобладание национальной парадигмы в трудах национально ориентированных историков можно сравнить только с господством позитивистской парадигмы извода Леопольда Ранке [12, с. 444]. Для подобных ситуаций были характерны концептуальные противоречия между националистически настроенной интеллигенцией и сторонниками коммунистической доктрины [11, с. 157].

Дискурс истории, в такой ситуации подобно мифу, представляет собой и дискурс идентичности [2, р. 41]. Великие времена историографии наступают во время распада империй [19, с. 114], и поэтому в эпоху национальных государств история обречена быть националистической, а в представлениях о прошлом отражается современное состояние группы [9, р. 27]. В зависимости от самых разных факторов интеллектуалы выдвигают и отстаивают определенные версии прошлого, представляющие и оценивающие одни и те же события или процессы далеко не одинаково [23, с. 15]. Поэтому, формирование идентичности протекает в рамках интерпретации исторических событий [10], а история развивается как конструкция в значительной степени мифическая в том смысле, что она являет собой представление о прошлом связанное с утверждением идентичности в настоящем [2, р. 43]. В эпоху национализма, который не собирается сходить с исторической арен, главными субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности [23, с. 18].

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Во-первых, история и национализм в 20 столетии оказались идеологиями в значительной степени взаимосвязанными и зависимыми. Во-вторых, диапазон использования истории в националистических целях оказался чрезвычайно широким, а тактики и стратегии, используемые националистами, не менее разнообразными. В-третьих, исторические манипуляции националистически ориентированных интеллектуалов оказались весьма эффективным механизмом для формирования и развития национальных идентичностей в целом. В-четвертых,

без активного политизированного и идеологически мотивированного применения истории было бы невозможно формирование столь необходимых и универсальных образов Других. В-пятых, история, как символический и сакральный ресурс, обладает значительным мобилизационным потенциалом и, поэтому, ее использование в политических целях является просто неизбежным.

В-шестых, история в тех обществах, где националистически ориентированные интеллектуалы не только достаточно активны, но к их мнению прислушиваются правящие элиты, является форматорами и пропагандистами новых изобретенных традиций, которые призваны наделить тот или иной политической режим необходимыми сакральными ресурсами преемственности и непрерывности. Эти факторы в той или иной степени актуализированы в большинстве южноамериканских обществ, где история в период строительства национального государства, развития и консолидации национальных идентичностей, стала важным политическим фактором. Это неизбежно повлекло процесс политизации, мифологизации и идеологизации истории, но эти три тенденции на протяжении 20 столетия были неотъемлемыми спутниками развития академической исторической науки, но история обладала достаточно мощным адаптивным потенциалом, что, в целом, позволило профессиональному историческому сообществу сохранить чистоту академического исторического дискурса несмотря на то, что историки прошлого были не столь беспристрастны, но могли играть не последнюю роль в развитии национализма тех политических и гражданских наций, к которым они принадлежали.

Последующие статьи актуального номера «Политических изменений в Латинской Америке» станут нашими коллективными попытками показать, как история и национализм переплетались и пересекались в прошлом латиноамериканского региона и, какие тактики и стратегии применялись местными националистическими ориентированными политиками и интеллектуалами для развития и укрепления идентичности и национализма с использованием истории, что могло иметь формы примитивного политизированного манипулирования историческими фактами или более изысканных интеллектуальных попыток исторического ревизионизма, фальсификации или элементарного оправдания политических перемен и трансформаций с ссылкой на исторический опыт и историческую преемственность...

Библиографический список

1. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history / J. Coakley // *Nationalism and Ethnic Politics*. – 2004. – Vol. 10. – No 4.
2. Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. – 2001. – No 1.
3. Friedman J. Myth, History, and Political Identity / J. Friedman // *Cultural Anthropology*. – 1992. – Vol. VII.
4. Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change / L. Hein, M. Sekden // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000.
5. Hrytsak Y. On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine / Y. Hrytsak // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1. – P. 229 - 254.
6. Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus / R. Lindner // *Nationalities Papers*. – 1999. – Vol. 27. – No 4..
7. Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland / P. Rottier // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1.
8. The Nation, Europe and the World: Textbooks and Curricula in Transition / eds. H. Schissler, Y. N. Soysal. – Berghahn Books, 2005.
9. Thomson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers / D. Thomson // *Encounter*. – 1968. – Vol. 30. – No 6.
10. *Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich* / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. – Göttingen, 1999.
11. Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1.
12. Грицак Я. Украинская историография. 1991 – 2001. Десятилетие перемен / Я. Грицак // *Ab Imperio*. – 2003. – No 2.
13. Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006.
14. Когут З.Є. Історичні дослідження в незалежній Україні. Тягар минулого: історіографія до здобуття незалежності / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України. – Київ, 2004.
15. Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України. – Київ, 2004.
16. Когут З.Є. Розвиток української національної історіографії в Російській Імперії / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України. – Київ, 2004.

17. Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В.Таки // *An Imperio*. – 2003. – № 1.
18. Ларюэль М., Пейруз С. Русские на Алтае: историческая память и национальное самосознание в Казахстане / М. Ларюэль, С. Пейруз // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1.
19. Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі / Р. Лінднер // *Беларусіка / Albaruthenica*. – Мн., 1997. – Т. 6. – Ч. 1.
20. Семенов А. От редакции: дилеммы написания истории империи и нации: украинская перспектива / А. Семенов // *Ab Imperio*. – 2003. – No 2. – С. 378.
21. Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // *Нации и национализм*. – М., 2002.
22. Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // *Ab Imperio*. – 2003. – No 3.
23. Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003.

**Жетулиу Варгас:
не конструктор, а конструкт модернизации:
воображая «эру Варгаса» в современной историографии
(коллективная память и изобретение традиции
в 2000 – 2010-е гг.)**

Автор анализирует современные формы исторической памяти о Жетулиу Варгасе. Автор полагает, что фигура Жетулиу Варгаса занимает уникальное место в историческом процессе Бразилии и принадлежит к числу центральных образов в бразильской исторической памяти. Статья методологически основана на постмодернистских версиях восприятия прошлого, включая историческое воображение и изобретение традиций. Жетулиу Варгас анализируется как коллективная форма исторической, политической и социальной памяти. Автор полагает, что фигура Жетулиу Варгаса была очень политизирована, идеологизирована и мифологизирована и он превратился в изобретенный и воображаемый конструкт.

Ключевые слова: Жетулиу Варгас, историческая память, историография, конструктивизм, изобретение традиций, историческое воображение

The author analyzes the actual forms of historical memory of Getúlio Vargas. The author believes that the figure of Getúlio Vargas occupies a unique place in historical process of Brazil and also belongs to number of the central images in Brazilian historical memory. The article methodologically is based on the post-modernist versions of perception of the past, including historical imagination and invention of tradition. Getúlio Vargas is analyzed as a collective form of historical, political and social memory. The author believes that Getúlio Vargas figure was too politicized, ideologized and mythologized and also turned into inventing and imagining construct.

Keywords: Getúlio Vargas, historical memory, historiography, constructivism, invention of traditions, historical imagination

Интеллектуальный фон. Период правления Жетулиу Варгаса [38; 39; 42], пришедшего к власти в Бразилии в 1930 году [40], стал одним из наиболее важных этапов в истории страны, а сама фигура лидера оказалась одной из центральных как в исторической памяти, так и политической мифологии. Результаты и последствия политики модернизации, инициированной Жетулиу Варгасом, не вызывают сомнений в контексте ее политических, социальных и экономических последствий и результатов, а значимость и роль самого Ж. Варгаса фактически сделали неизбежным интерес к нему со стороны представителей исследовательского сообщества.

Фигура Жетулиу Варгаса в Бразилии стала причиной многочисленных не только академических и историографических, но и политических и идеологических противоречий и споров. Этому содействовало несколько факторов, включая масштаб личности самого Жетулиу Варгаса, определенную противоречивость, которая была характерна для его политики, спорные и далеко неоднозначные результаты и последствия политики бразильского лидера. Все эти факторы предопределили значительный интерес в исторической литературе к Жетулиу Варгасу.

Постановка проблемы. Противоречивость внутренней политики Ж. Варгаса, ее бесспорный авторитарный и недемократический характер привели к тому, что диапазон оценок и интерпретаций деятельности Жетулиу Варгаса в научной литературе остается столь же разнообразным и неоднородным как в политической публицистике.

Анализируя историографическую ситуацию, связанную с изучением правления Жетулиу Варгаса, во внимание следует принимать целый ряд факторов, а именно: проблемы как личности Ж. Варгаса, так и его политики практически сразу оказались в центре внимания не только политических аналитиков, критиков и публицистов [11; 59], стремившихся найти и проследить истоки режима, предложив его культурную и интеллектуальную археологию, но и серьезной академической историографии и политической науки; историография, сфокусированная на изучении Ж. Варгаса, уже успела получить свою собственную историю и в историографии, посвященной Ж. Варгасу, сложились различные историографические традиции, теоретические и методологические подходы; на протяжении длительного времени модус описания Бразилии периода Ж. Варгаса пребывал в рамках традиционного описательного нормативного, событийного подхода, который в XX веке следует воспринимать как позднейшую версию позитивистской историографии.

В значительной степени позитивистские и по своей природе инерционные версии восприятия Ж. Варгаса доминировали до конца XX века, пока на смену им не пришли качественно другие, новые методологические и теоретические подходы к изучению истории Бразилии периода пребывания у власти Жетулиу Варгаса. Старая неопозитивистская инерционная модель, выдержанная преимущественно в изучении событийной и фактологической стороны правления Ж. Варгаса на протяжении длительного времени казалась не только доминирующей, но и незыб-

лемой, но, тем не менее, в конце XX столетия историографическая ситуация начала меняться самым радикальным образом, что было связано с общим европейским историографическим влиянием [33; 34; 56] на развитие бразильской историографии и развитыми связями между бразильскими и европейскими историками.

Историографическая ситуация. Конец XX века оказался чрезвычайно важным периодом для развития исторической науки в целом в силу того, что был отмечен тенденциями в направлении междисциплинарного синтеза, написанию синтетической истории, отказу от доминирующей тенденции событийности. История в подобной историографической ситуации начала восприниматься в контексте различных дискурсов и постепенно во все утратило внутренне единство. Историография в целом стала развиваться как в значительной степени чрезвычайно фрагментированная. История перестала восприниматься, воображаться, изобретаться, и, как следствие, писаться и описываться в исключительно событийной и фактологическом ключе: такие версии истории перестали удовлетворять профессиональной историческое сообщество, так как более не соотносились с основными векторами и траекториями развития исторического знания.

Фигура Жетулиу Варгаса не стала исключением из этой универсальной логики развития исторической науки. Поэтому, конец XX и начало XXI века было ознаменовано значительными изменениями и трансформациями в отношении фигуры Жетулиу Варгаса. Основные векторы и траектории развития историографии политики и деятельности Ж. Варгаса в значительной степени отличаются от тех тенденций, которые доминировали ранее: проблемы истории авторитарного режима активно изучаются как традиционными историками, так и постмодернистами, склонными воспринимать феномен Жетулиу Варгаса как культурный и интеллектуальный конструкт. Тематика, связанная с историей бразильского авторитаризма, является очень актуальной для современной бразильской гуманитарной традиции, что вынуждает обращаться к ней даже социологов [55], исследования которых относительно «эры Варгаса» сфокусированы на коллективных представлениях о нем среди современных бразильцев.

О необходимости конструктивистского поворота. В целом, следует предположить, что в XX веке фигура Жетулиу Вар-

гаса в современной бразильской исторической памяти и идентичности была подвергнута значительным изменениям и трансформациям. Роль Ж. Варгаса в общеисторическом контексте как инициатора политической, социальной, экономической и культурной модернизации в Бразилии не вызывает сомнений, но сомнений в этом отношении не испытывала только традиционная нормативистская неопозитивистская историография. Современная историографическая ситуация в условиях междисциплинарного синтеза позволяет более широко интерпретировать историческую фигуру и наследие Жетулиу Варгаса. Поэтому Автор полагает, что на современном этапе целесообразно и необходимо отойти и отказаться от изучения «эры Варгаса» в контексте деятельности самого Ж. Варгаса потому, что обращение к другим аспектам политического наследия Президента в контексте конструктивистского поворота представляется более перспективным и продуктивным. Перефразируя слова известного болгарского историка Владимира Трендафилова [75] о монахе Паисии – отце Болгарского Возрождения – относительно Жетулиу Варгаса мы можем утверждать, что он был не конструктором, а конструктом модернизации, став в современной бразильской идентичности одной из идеологически маркированных и национально значимых изобретенных традиций. Анализируя современную историографическую ситуацию, связанную с изучением наследия Ж. Варгаса в бразильской историографии, во внимание следует принимать то, что там конструктивистский поворот уже состоялся, что позволило достичь значительных результатов бразильским историкам в деле изучения и переосмысления правления Жетулиу Варгаса в контексте современного методологического и теоретического инструментария исторической науки, хотя десять лет назад Автор пытался поместить Ж. Варгаса в прокрустово ложе теории модернизации [72], что, в принципе, можно воспринимать как шаг к конструктивистскому повороту в изучении новой и новейшей бразильской истории, что проявилось в последующих публикациях [68; 69; 70; 71; 73; 74].

Цель и задачи статьи. Исходя из этой общей историографической ситуации, в центре внимания Автора в настоящей статье – проблемы современных и актуальных восприятий и интерпретаций деятельности Жетулиу Варгаса в постмодернистской историографии. Целью статьи является изучение общей историографической ситуации в контексте изучения режима Ж.

Варгаса, а задачами – анализ конкретных направлений исторических исследований с преимущественным вниманием к вопросам социальной и культурной истории.

Изучение социальной истории. Особую роль в современной бразильской историографии правления Жетулиу Варгаса играют работы, которые принадлежат к канону социальной истории, сфокусированной на изучении социальных, культурных и экономических реальностей в различных междисциплинарных контекстах. Развитие авторитарного режима Нового Государства [32; 50], по мнению бразильских историков [29], не только содействовало окончательному установлению и институционализации авторитарного режима [27], но и привело к появлению многочисленных новых форм политического аппарата управления, профессиональных управленцев с юридическим образованием [25], который не только был ориентирован на государственную службу, но и был вынужден функционировать в условиях сохранения значительного числа противоречий, вызванных попытками принудительной модернизации политических и социальных институтов, стремлением элит построить национальное государство [2; 17] в рамках авторитарной модели развития [22; 23].

Этот аппарат имел авторитарный характер, так как был призван обслуживать официальный политический дискурс. Новое Государство в Бразилии опиралась на частично формализованный и от части неформальный компромисс между центральными политическими элитами, которые представляли высшие эшелоны государственной власти, с региональными элитами на уровне отдельных штатов [26]. На протяжении всего периода существования Нового Государства Жетулиу Варгас никогда не имел полномочий неограниченной власти, но, наоборот, был вынужден участвовать в формировании и функционировании механизма соотнесения политических интересов центра и регионов и соотносить авторитарные амбиции и прерогативы с процессом принятия политических решений на региональном уровне.

Современная бразильская историография не склонна изображать социальную политику режима как нечто единое и неизменное, полагая, что Жетулиу Варгас был вынужден маневрировать и лавировать между городскими и аграрными слоями, между рабочим классом [41; 44] и гетерогенными группами аграрного населения. Кроме этого, в современной историографии

сложно найти утверждения о некоем союзе между Ж. Варгасом и политическими, преимущественно – периферийными, аграрными экономическими группами. Современные историки [35], наоборот, склонны воспринимать эти отношения как конфликтные потому, что крупные землевладельцы противились попыткам внедрения социального законодательства в аграрных регионах [36], усматривая в этом попытку покушения на их уникальные и монопольные политические и экономические права. Установление в Бразилии авторитарного режима привело к пересмотру отношений между центром и регионами [1].

Поэтому, Новое Государство в политической истории Бразилии XX века стало социально-экономически вынужденной формой государственной, основанной на попытке найти компромисс между различными стратегиями управления регионами, которые могли варьироваться, с одной стороны, от «изменяемой геометрии» («*geometria variável*») до «институционализированного персонализма» («*personalismo institucionalizado*»). С другой стороны, эта сложная система была основана на принципах межрегионального единства (*unidade*), национальной легитимности (*legitimidade*) и институциональной управляемости (*governabilidade*). Аппарат управления Нового Государства также был важным фактором индоктринизации как масс, так и региональных политических элит [28].

В этот аппарат оказалась интегрированной и Католическая Церковь [46]. Интеграции содействовало то, что политические элиты приветствовали ограниченные социальные инициативы Церкви в контексте помощи беднейшим группам населения. Авторитаризм в Бразилии содействовал процессам профессионализации национальной бюрократии [25], которая окончательно в 1930-е годы оформила три свои функции, представленные социальной, профессиональной и символической деятельностью, что содействовало, с одной стороны, функционированию режима, а, с другой, его легитимации.

Андреа Майа [51], продолжая изучение различных форм народной культуры [21], предлагает междисциплинарный анализ рабочей политики Жетулиу Варгаса на локальном, точнее – локализованном, уровне городка Морру Вельу (*Morro Velho*), изучая особенности социального и экономического поведения рабочих угольных шахт в контексте их ежедневной жизни, показывая различные дискурсы социальной девиантности и недисциплинированности пролетариата [41] в 1930 – 1940-е годы, а

также тенденции территориальной миграции, которая стимулировалась недемократическим режимом Нового государства (Estado Novo), предложившего относительно эффективные формы коммуникации между политическим авторитарным режимом и пролетариатом. Основой этого механизма стало активное использование радио как эффективного средства пропаганды в стране со значительным процентом неграмотного населения, которое не могло воспринимать другие формы политической агитации. Андреа Майа полагает, что эффективность социальной и рабочей политики Жетулиу Варгаса стала следствием использованием европейского, в частности – немецкого, опыта.

Изучение культурной и интеллектуальной истории. В изучении политического и идеологического [66] наследия Жетулиу Варгаса, исторической памяти [13; 60; 62] о периоде его пребывания у власти [24; 61; 54; 55] активно используются методы культурной и интеллектуальной истории, постмодернистские интерпретации основанные на инвенционистском повороте, в рамках чего изучается, как и каким образом в период авторитаризма менялись, развивались и трансформировались коллективные представления о центральных моментах в истории бразильской культуры и литературы. В современной историографии [67] признается, что период пребывания у власти Жетулиу Варгаса имел центральное и критическое значение для развития и укрепления бразильской национальной идентичности в контексте архитектуры, которая анализируется в нескольких измерениях как пространственная (призванная зафиксировать успехи и достижения режима в реальном пространстве), социальная (нацеленная на строительство, выстраивание и укрепление социальных связей) и политическая (направленная на строительство идеального воображаемого политического здания авторитарного режима). Подобный синтетический тип архитектуры определяется как «визуальная архитектура национальных чувств» (*arquitetura visual dos sentimentos nacionais*).

В этом контексте современной бразильской историографии, сфокусированной на изучении периода правления Ж. Варгаса, влияние со стороны англоязычной историографии [3] представляется несомненным. Жетулиу Варгас, как политик, который активно менял и трансформировал, фактически воображая и изобретая Бразилию как нацию-государство, в современной бразильской исторической и политической, социальной и экономи-

ческой памяти сам превратился в конструкт и изобретенную традицию, оказавшись подвергнутым музеификации.

Машаду де Ассиз принадлежит к числу классиков бразильской литературы, но его наследие оказалось подвергнуто различным переоценкам и трансформациям, попыткам мифологизации в период пребывания у власти Жетулиу Варгаса. Для бразильского культурного и литературного дискурса в XX веке были характерны значительные тенденции его сакрализации [49]. Бразильские интеллектуалы в XX столетии [30; 44; 45; 52; 53; 57; 58; 64] оказались и активными политическими акторами, втянутыми в политические дискуссии и вынужденно выполнявшие сервилитские функции, обслуживая различные официальные политические каноны. Новое Государство активно привлекало интеллектуалов, включая Оливейру Виану, Франсишку Кампуша [16; 17; 18; 19; 20], Азеведу Амарала, Адмира де Андраде [4; 5; 6; 7; 8], понимая, что они в состоянии обеспечить режим необходимой ему легитимностью, укрепив идентичность.

Фигура Машаду де Ассиза оказалась чрезвычайно актуальной и востребованной в авторитарный период, так как власти пытались превратить празднование столетнего юбилея со дня рождения писателя в 1939 году в идеологически выверенное мероприятие. Современные бразильские историки [63] полагают, что в отношении бразильского авторитаризма к творческому наследию Машаду де Ассиза следует выделять два этапа: в первый период (1930-е годы) писатель воспринимался как признанный классик и величайший бразильский писатель, а в изучении его текстов доминировали тенденции к мифологизации, во второй период (первая половина 1940-х годов) отношение изменилось, и классик бразильской литературы был обвинен в излишнем универсализме и незначительном внимании к собственно бразильскому национальному колориту.

Если в 1930-е годы степень интеграции образа Машаду де Ассиза в официальный канон была настолько глубока, что теоретики режима декларировали, что идеи классика бразильской литературы были созвучны с официальным национализмом Нового Государства, то в 1940-е годы власти начали намеренно противопоставлять наследие М. де Ассиза с текстами другой знаковой фигуры для истории бразильской литературы – Эуклидиша да Куньи. В этом контексте Машаду де Ассиз, как и другие представители бразильской классической литературы, оказались жертвами манипулятивных практик и фактически поли-

тических спекуляций, а многочисленные обращения к творчеству Машаду де Ассиза были призваны только обслуживать официальный политический и идеологический дискурс.

В период авторитаризма различные государственные институты в Бразилии приняли участие в формировании нового, правильного и идеологически выверенного с политической точки зрения образа бразильского классика. Авторитарный режим, точнее интеллектуалы, которые выполняли идеологически сервилистские функции, достаточно четко понимали конъюнктуру и поэтому применяли относительно новые механизмы социальной инженерии, включая кинематограф [48], для идеализации и идеологизации образа Машаду де Ассиза. В 1939 году Национальный институт образовательного кино (Instituto Nacional de Cinema Educativo) стал инициатором одной из первых экранизаций произведений Машаду де Ассиза, что положило начало его интеграции в канон массовой культуры, сделав тексты более пластичными, независимыми от литературного контекста, от социальных условий и реалий (значительный процент неграмотного населения, которому изданные тексты классика были элементарно недоступны), превратив их в относительно эффективный механизм политической агитации и пропаганды.

В современной бразильской историографии, посвященной Ж. Варгасу, особое внимание уделяется изучению социальной инженерии [37], которая использовалась политическими элитами для формирования и поддержания лояльности, укрепления государственной и национальной идентичности. Важным компонентом государственных практик и стратегий в контексте социальной инженерии стали официально санкционированные празднования 1 мая [12], который был интегрирован властями в число дозволенных праздников. Празднования 1 мая в период авторитаризма были в значительной степени идеологизированы, а проводимые действия и мероприятия имели в качестве своей цели легитимацию режима.

Бразильский авторитаризм, как и другие авторитарные режимы в XX веке, активно использовал литературу для продвижения определенных политических идей, а различные литературные конкурсы стали формой рекрутирования лояльных режиму представителей культурной элиты. Современными бразильскими историками изучается роль в развитии культуры формально непрофильного министерства – Министерство труда, промышленности и торговли (Ministério do Trabalho, Indústria

е Comércio) – которое было среди организаторов литературных конкурсов, что свидетельствует о его вовлеченности в механизм функционирования социальной инженерии авторитарного политического режима в Бразилии.

Для современной бразильской историографии характерно восприятие авторитаризма Жетулиу Варгаса как сложного и многоуровневого явления, которое одновременно имело политические, социальные, экономические, культурные и интеллектуальные уровни и измерения. Примечательно и то, что в современной пост-пост-...-модерной, точнее междисциплинарной историографии, особое внимание уделяется именно культурной и интеллектуальной компоненте бразильского авторитаризма. В частности, в 2010-е годы бразильскими историками были предприняты попытки изучить механизмы социализации в авторитарный период в контексте детской литературы [43], что ведет к расширению академических представлений о режиме Жетулиу Варгаса. Новейшие исследования свидетельствуют о том, что режим был не просто и не только авторитарным и недемократическим, но и радикально-революционным и даже прогрессивным. В частности, современными историками показано, что именно в период пребывания Ж. Варгаса у власти государство озаботилось развитием чтения, создав Национальную комиссию по детской литературе (Comissão Nacional de Literatura Infantil). Деятельность Комиссии была подчинена идеологическим и политическим требованиям, но, в целом, носила прогрессивный характер, так как косвенно содействовала борьбе с неграмотностью и укреплению национальной идентичности.

Другой формой изучения правления Жетулиу Варгаса в контексте конструктивистской парадигмы является анализ того, как в период авторитаризма воображалось, изобреталось и осмысливалось пространство [9; 10]. Региональная политика авторитаризма [15] в Бразилии была противоречивой: с одной стороны, режим предпринимал попытки унификации пространств, постоянно и активно вмешиваясь во внутренние дела штатов [27]; с другой, в период правления Жетулиу Варгаса было сделано много для регионального воображения и изобретения регионов, которые до этого не были картированы на ментальные карты. Два проекта известные как "Marcha para o Oeste" и "Discurso do rio Amazonas" стали попытками элит картировать на ментальные карты регион Амазонии [9; 47], который начал ассоциироваться с фигурой Жетулиу Варгаса [14].

Этот регион не был уникальным изобретением и исключительным конструктом, предложенным бразильскими интеллектуалами, которые обслуживали официальный идеологический дискурс Нового государства. Первые попытки воображения и изобретения региона были предприняты раннее и поэтому теоретики и идеологи Нового Государства интегрировали в официальный политический дискурс идеи своих предшественников, творчески их переосмыслив и интегрировав в официальный идеологический канон. Механизмом изобретения этого региона стал журнал “Cultura Política”, который издавался Департаментом печати и пропаганды (Departamento de Imprensa e Propaganda). Воображение региона Амазонки содействовало росту бразильского политического национализма в контексте отложенного и запоздалого «завоевания» и освоения территорий.

К изучению интеллектуальной истории бразильского авторитаризма примыкают попытки изучения истории еврейского сообщества. Бразилия, в отличие от стран Европы, не имела традиций развитого политически мотивированного антисемитизма, но определенные социальные и культурные предрассудки и коллективные предубеждения в отношении евреев все же имели место. Современные бразильские историки [31] полагают, что несмотря на близость к европейским авторитарным режимам 1930-х – первой половины 1940-х годов политические элиты Бразилии не имели четкой программы государственного антисемитизма, а воспринимали евреев как одну из многочисленных групп европейских иммигрантов, что позволило евреям институционализировать свои сообщества и организации в Бразилии, став одной из самых влиятельных групп. В целом, в отношении евреев, как полагают, современные историки не существовало специальных запретов, они сталкивались с теми же ограничениями, что и другие иммигранты, вынужденные интегрироваться в бразильское общество.

Кроме этого в современной бразильской историографии в контексте культурной истории особое внимание уделяется социальным ролям и функциями медицины, попыткам властей в период правления у власти Жетулиу Варгаса регулировать положение тех групп населения, которые страдали от социальных заболеваний. По мнению бразильских историков [64], эта политика имела немало общего с культурным и социальным расизмом потому, что больные, например, проказой подвергались

сознательной и намеренной маргинализации и принудительно изоляции от общества, к которому они формально принадлежали. Современные историки, с одной стороны, признают, что подобные методы «лечения» имели больше общего с политически мотивированной сегрегацией, а не попытками помочь пациентам. С другой, в современной бразильской историографии подчеркивается и то, что методы формально недемократического режима Ж. Варгаса в сфере развития здравоохранения носили прогрессивный характер, так как именно в авторитарный период были построены новые больницы и предпринимались попытки изменить отношение к больным проказой, для борьбы с которой была создана новая общенациональная служба – Serviço Nacional da Lepra.

Итоги и перспективы исследования. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов развития современной историографии, сфокусированной на изучении деятельности Жетулиу Варгаса. На современном этапе радикальным образом изменились теоретические и методологические основания того историографического пространства, которое сфокусировано на изучении истории правления и политики Жетулиу Варгаса. Ранние оценки и интерпретации были пересмотрены или оказались вовсе невостребованными в современной историографии. Если в более ранней историографии доминировало описание правления Ж. Варгаса в преимущественно событийном и фактическом контекстах, то эти границы для современной историографии кажутся ограничивающими и чрезвычайно узкими.

Поэтому, диапазон оценок и интерпретаций деятельности Ж. Варгаса в современной историографической ситуации был пересмотрен и подвергнут радикальной ревизии. В современной историографии Ж. Варгаса особую роль играют модернистские и постмодернистские подходы, основанные на конструктивистской парадигме. Поэтому, период Жетулиу Варгаса и сама фигура лидера изучаются и интерпретируются в контексте теоретических подходов воображаемых сообществ и изобретенных традиций. Деятельность Ж. Варгаса интерпретируется в контексте развития бразильской политической идентичности, развития гражданской бразильской нации. В этом контексте сама фигура президента и период его пребывания у власти воспринимаются как изобретенная традиция и коллективное место исторической, политической, социальной и культурной памяти.

В современной политической и исторической бразильской национальной памяти Жетулиу Варгас является одной из центральных и системных фигур, которые интегрированы в механизмы воспроизводства и поддержания идентичности. Жетулиу Варгас в пост-пост-модерной бразильской идентичности стал коллективным и воображаемым феноменом, воспринимаемая как некая изобретенная и воображаемая совокупность различных общественных и политических практик, которые связаны с периодической актуализацией роли и наследия Ж. Варгаса как в историографической традиции, так и в общественно-политическом дискурсе.

Степень видимости Ж. Варгаса в историографическом дискурсе является очень ситуативной, но, тем не менее, достаточной устойчивой, так как Жетулиу Варгас принадлежит к числу наиболее активно изучаемых фигур в бразильской новейшей истории. Современная бразильская историографии периодически «проговаривает» фигуры Ж. Варгаса, но механизм этого историографического проговаривания отличается от более ранних периодически имевших место попыток изучения правления Ж. Варгаса. Современные интеллектуалы не склонны фиксировать роль и место Ж. Варгаса в строго и четко зафиксированных границах.

Современный образ Ж. Варгаса в историографии развивается как чрезвычайно фрагментированный, зафиксированный в различных формах, уровнях и измерениях дискурса. Тем не менее, современная бразильская историография периода правления Жетулиу Варгаса развивается чрезвычайно активно и динамично. Современные исследования носят, как правило, междисциплинарный и новаторский характер в условиях почти безраздельного доминирования модернистской парадигмы. В целом, центральная и определяющая роль именно Жетулиу Варгаса для бразильской истории второй четверти XX века в дальнейшем будет содействовать тому, что фигура президента будет пребывать в центре многочисленных исследований.

Библиографический список

1. Abreu L.A. Um Olhar Regional sobre o Estado Novo / L.A. Abreu. – Porto Alegre, EDIPUCRS, 2007.
2. Amaral A. Estado autoritário e a realidade nacional / A. Amaral. – Rio de Janeiro: José Olympio, 1938.
3. Anderson B. Comunidades imaginadas / B. Anderson. – São Paulo: Companhia das Letras, 2008.
4. Andrade A. de, da Cultura Brasileira / A. de Andrade. – Rio de Janeiro: Schmidt, 1939.
5. Andrade A. de, Força, Cultura e Liberdade: origens históricas e tendências atuais da evolução política do Brasil / A. de Andrade. – Rio de Janeiro: J. Olympio, 1940.
6. Andrade A. de, Getúlio Vargas e a doutrina brasileira de governo / A. de Andrade // Cultura Política. – 1942. - Ano 2. – No 15. – P. 7 – 10.
7. Andrade A. de, O Estado Nacional e a missão de Cultura Política / A. de Andrade // Cultura Política. – 1942. – Ano 2. – No 18. – P. 7 – 10.
8. Andrade A. de, Política e Cultura / A. de Andrade // Cultura Política. – 1941. – Ano 1. – No 2. – P. 5 – 8.
9. Andrade R. de P. "Conquistar a terra, dominar a água, sujeitar a floresta": Getúlio Vargas e a revista "Cultura Política" redescobrem a Amazônia (1940 – 1941) / R. de P. Andrade // Boletim do Museu Paraense Emílio Goeldi. Ciências Humanas. – 2010. – Vol. 5. – No 2. – P. 453 – 468.
10. Andrade R. de P., Hochman G. O Plano de Saneamento da Amazônia (1940 – 1942) / R. de P. Andrade, G. Hochman // História, Ciências, Saúde-Manguinhos. – 2007. – Vol. 14. – P. 257 – 277.
11. Barata H. Nietzsche triunfante / H. Barata // Gazeta de Notícias [Rio de Janeiro]. – 1940. – 03 de Julho. – P. 11.
12. Bilhão I. "Trabalhadores do Brasil!": as comemorações do Primeiro de Maio em tempos de Estado Novo varguista / I. Bilhão // Revista Brasileira de História. – 2011. – Vol. 31. – No 62. – P. 71 – 92.
13. Bosi E. Memória e sociedade: lembranças de velhos / E. Bosi. – São Paulo: Queroz, 1979.
14. Brasil. A visita do presidente Vargas e as esperanças de ressurgimento do Amazonas. – Manaus: Imprensa Pública, 1940.
15. Camargo A. Do federalismo oligárquico ao federalismo democrático / A. Camargo // Repensando o Estado Novo / org. D.C. Pandolfi. – Rio de Janeiro: Editora FGV, 1999. – P. 39 – 50.
16. Campos Fr. A Política e o Nosso Tempo / Fr. Campos // Campos F. O Estado nacional: sua estrutura; seu conteúdo ideológico / F. Campos. – Rio de Janeiro: José Olympio, 1940. – P. 1 – 32.
17. Campos Fr. Democracia e Unidade Nacional / Fr. Campos // Campos F. O Estado nacional: sua estrutura; seu conteúdo ideológico / F. Campos. – Rio de Janeiro: José Olympio, 1940. – P. 3 – 13.
18. Campos Fr. Directrizes do Estado Nacional / Fr. Campos // Campos F. O Estado nacional: sua estrutura; seu conteúdo ideológico / F. Campos. – Rio de Janeiro: José Olympio, 1940. – P. 33 – 68.

19. Campos Fr. Educação e Cultura / Fr. Campos. – Rio de Janeiro, Livraria José Olympio Editora, 1940.
20. Campos Fr. Problemas do Brasil e Soluções do Regime / Fr. Campos // Campos F. O Estado nacional: sua estrutura; seu conteúdo ideológico / F. Campos. – Rio de Janeiro: José Olympio, 1940. – P. 69 – 109.
21. Canclini N.G. Culturas populares no capitalismo / N.G. Canclini. – Rio de Janeiro: Brasiliense, 1981.
22. Carone E. A Terceira República (1937 – 1945) / E. Carone. – São Paulo: Difel, 1982.
23. Carone E. O Estado Novo (1937 – 1945) / E. Carone. – São Paulo: Difel, 1976.
24. Castro R.V. O quarto de Getúlio: representações e memória na política brasileira // Memória, imaginário e representações sociais / org. C. P. Sá. – Rio de Janeiro: Museu da República, 2005. – P. 199 – 208.
25. Codato A. Classe política e regime autoritário: os advogados do Estado Novo em São Paulo / A. Codato // Revista Brasileira de Ciências Sociais. – 2014. – Vol. 29. – No 84. – P. 145 – 163.
26. Codato A. Estado Novo no Brasil: Um Estudo da Dinâmica das Elites Políticas Regionais em Contexto Autoritário / A. Codato // Dados. – 2015. – Vol. 58. – No 2. – P. 305 – 330.
27. Codato A. Os Mecanismos Institucionais da Ditadura de 1937: Uma Análise das Contradições do Regime de Interventorias Federais nos Estados // História. – 2013. – Vol. 32. – No 2. – P. 189 – 208.
28. Codato A. Elites e instituições no Brasil: uma análise contextual do Estado Novo / A. Codato. – Campinas - SP: Universidade Estadual de Campinas – Unicamp, 2008.
29. Codato A. Instituições de governo, ideias autoritárias e políticos profissionais em São Paulo nos anos 1940 / A. Cadato // Revista Brasileira de Ciência Política. – 2013. – No 11. – P. 143 – 167.
30. Constelação Capanema: intelectuais e política / org. H. Bomeny. – Rio de Janeiro: Editora FGV, 2001.
31. Cytrynowicz R. Além do Estado e da ideologia: imigração judaica, Estado-Novo e Segunda Guerra Mundial / R. Cytrynowicz // Revista Brasileira de História. – 2002. – Vol. 22. – No 44. – P. 393 – 423.
32. D'Araújo M.C. O Estado Novo / M.C. D'Araújo. – Rio de Janeiro: Jorge Zahar, 2000.
33. Darnton R. O grande massacre dos gatos e outros episódios da história cultural francesa / R. Darnton. – Rio de Janeiro: Graal, 1986.
34. Davis N.Z. Culturas do povo / N.Z. Davis. – Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1990.
35. Dezemone M. Impactos da Era Vargas no mundo rural: leis, direitos e memória / M. Dezemone // Perseu. – 2007. – Vol. 1. – No 1. – P. 177 – 205.
36. Dezemone M. Legislação social e apropriação camponesa: Vargas e os movimentos rurais / M. Dezemone // Estudos Históricos. – 2008. – Vol. 21. – No 42. – P. 220 – 240.

37. Duarte A.L. “Julho, 10!” As artes da política e a política das artes nos anos 1940 / A.L. Duarte // Topoi. – 2015. – Vol. 16. – No 31. – P. 544 – 570.
38. Dulles J.W.F. Getúlio Vargas: Biografia Política / J.W.F. Dulles. – Rio de Janeiro: Renes, 1967.
39. Fausto B. Getúlio Vargas: o poder e o sorriso / B. Fausto. – São Paulo: Companhia das Letras, 2006.
40. Fausto B. A Revolução de 1930: historiografia e história / B. Fausto. – São Paulo: Companhia das Letras, 1997.
41. Ferreira J. Trabalhadores do Brasil: o imaginário popular 1930 – 1945 / J. Ferreira. – Rio de Janeiro: FGV, 1997.
42. Frischauer P. Presidente Vargas / P. Frischauer. – São Paulo, Companhia Editora Nacional, 1943.
43. Fritzen C., Cabral G. da S. Rute e Alberto resolveram ser turistas a leitura literária para crianças no período Vargas / C. Vargas Fritzen, G. da S. Cabral // Revista Brasileira de Educação. – 2014. – Vol. 19. – No 57. – P. 329 – 347.
44. Gomes A. de C. A invenção do trabalhismo / A. de C. Gomes. – Rio de Janeiro: FGV, 2005.
45. Gomes Â. de C. História e historiadores / Â. de C. Gomes. – Rio de Janeiro: FGV, 1999.
46. Gonçalves M. Caridade, abre as asas sobre nós: política de subvenções do governo Vargas entre 1931 e 1937 / M. Gonçalves // Varia historia. – 2011. – Vol. 27. – No 45. – P. 317 – 336.
47. Gondim N. A invenção da Amazônia / N. Gondim. – São Paulo: Marco Zero, 2004.
48. Guimarães H. de S. “Um apólogo - Machado de Assis”: do escritor singular ao brasileiro exemplar / H. de S. Guimarães // Machado de Assis em Linha. – 2011. – Vol. 4. – No 8. – P. 82 – 92.
49. Lenharo A. Sacralização da política / A. Lenharo. – Campinas, SP: Papirus, 1986.
50. Losso T.B. Estado Novo: discurso, instituições e práticas administrativas / T.B. Losso. – Campinas - SP: Universidade Estadual de Campinas, 2006.
51. Maia A.C.N. Cultura e cotidiano nas minas de ouro: trabalhadores em tempos de experiências autoritárias e suas resistências plurais / A.C.N. Maia // Topoi. – 2011. – Vol.12. – No 22. – P. 209 – 227.
52. Miceli S. Intelectuais à brasileira / S. Miceli. – São Paulo: Companhia das Letras, 2001.
53. Moreira L.F. Meninos, poetas e heróis – aspectos de Cassiano Ricardo do modernismo ao Estado Novo / L.F. Moreira. – São Paulo: Edusp, 2001.
54. Naiff D.G.M. A memória social dos governos Vargas: um estudo comparativo entre duas gerações no Rio de Janeiro. Tese de doutorado não-publicada / D.G.M. Naiff. – Rio de Janeiro: Universidade do Estado do Rio de Janeiro, 2005.

55. Naiff D.G.M., Sá C.P. de, Naiff L.A.M. A memória social do estado novo em duas gerações / D.G.M. Naiff, C.P. de Sá, L.A.M. Naiff // *Psicologia: Ciência e Profissão*. – 2008. – Vol. 28. – No 1. – P. 110 – 121.
56. Ozouf M. A festa sob a Revolução Francesa / M. Ozouf // *História: Novos Objetos* / org. J. Le Goff, P. Nora. – Rio de Janeiro: Francisco Alves, 1989. – P. 216 – 232.
57. Paiva V. Almir de Andrade: intelectual do Estado Novo / V. Paiva // *História*. – 2015. – Vol. 34. – No 1. – P. 216 – 240.
58. Pécaut D. Intelectuais e a política no Brasil / D. Pécaut. – São Paulo: Ática, 1990.
59. Reis E. Nietzsche e Getúlio Vargas / E. Reis // *A Noite* [Rio de Janeiro]. – 1939. – 21 de Junho. – P. 02.
60. Sá C.P. As memórias da memória social / C.P. Sá // *Memória, imaginário e representações sociais* / org. C.P. Sá. – Rio de Janeiro: Museu da República, 2005. – P. 63 – 86.
61. Sá C.P. de, Castro R.V. de, Möller R.C., Perez J.A. A memória histórica de Getúlio Vargas e o Palácio do Catete / C.P. de Sá, R.V. de Castro, R.C. Möller, J.A. Perez // *Estudos de Psicologia (Natal)*. – 2008. – Vol. 13. – No 1. – P. 49 – 56.
62. Sá C.P. Sobre o campo de estudo da memória social: uma perspectiva psicossocial / C.P. Sá // *Psicologia: Reflexão e Crítica*. – 2007. – Vol. 20. – No 2. – P. 289 – 294.
63. Salla T.M. O Estado Novo e as críticas a Machado de Assis na primeira metade dos anos 1940 / T.M. Salla // *Machado Assis Linha*. – 2012. – Vol. 5. – No 10. – P. 83 – 101.
64. Santos L. A. de C., Faria L., Menezes R.F. de, Contrapontos da história da hanseníase no Brasil: cenários de estigma e confinamento / L. A. de C. Santos, L. Faria, R.F. de Menezes // *Revista Brasileira de Estudos de População*. – 2008. – Vol. 25. – No 1. – P. 167 – 190.
65. Santos R.D. dos, Francisco Campos e os fundamentos do constitucionalismo antiliberal no Brasil / R.D. dos Santos // *Dados*. – 2004. – Vol. 50. – No 2. – P. 281 – 323.
66. Silva R. A ideologia do estado autoritário no Brasil / R. Silva. – Chapecó: Argos, 2004.
67. Souza R.L. A arte de disciplinar os sentidos o uso de retratos e imagens em tempos de nacionalização (1930 – 1945) / R.L. Souza // *Revista Brasileira de Educação*. – 2014. – Vol. 19. – No 57. – P. 399 – 416.
68. Кирчанов М.В. “...histórica, o erotismo, de crueldade...”: истерия как “изобретенная традиция” и воображаемое “место памяти” в контексте социальной и культурной истории поздней Бразильской Империи / М.В. Кирчанов // *Политические изменения в Латинской Америке*. – 2015. – № 2. – С. 54 – 69.
69. Кирчанов М.В. Бразильская модернизация и ее контексты: дискурсы национализма, идентичности, гендера, протеста и лояльности / М.В. Кирчанов // *Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова* / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 39 – 53.

70. Кирчанов М.В. Буржуа, рабы, мулаты, религиозные фанатики и etc в протестных движениях в Бразильской Империи: историографические мифологемы и «революционные» реальности / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2015. – № 2. – С. 77 – 87.
71. Кирчанов М.В. История бразильского пролетариата, или «забытая» социальная история в советской латиноамериканистике / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2014. – № 2. – С. 5 – 13.
72. Кирчанов М.В. Модернизационные процессы в истории Бразилии в 1930 – 1945 годах / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова / под. Ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2006. – С. 11 – 19.
73. Кирчанов М.В. От «национальной проблемы» к «национальной реальности», 1914 – 1938: об антикапиталистическом и антибуржуазном уклоне в бразильской интеллектуальной традиции / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2015. – № 2. – С. 88 – 104.
74. Кирчанов М.В. Проблемы консервативной революции в контексте интеллектуальной истории бразильской модернизации 1920 – 1940-х годов / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, М.В. Кирчанов. – М. – Воронеж, 2007. – С. 25 – 37.
75. Трендафилов В. Паисий – не конструктор, а конструкт на Възраждане нето / В. Трендафилов // LiterNet. – 2006. – 24 февруари.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА: АРГЕНТИНА СЕРЕДИНЫ 1950-Х ГОДОВ («НОВЫЕ» ИСТОЧНИКИ)

Комментарий редактора: «Политические изменения в Латинской Америке» не ортодоксальный неосоветский журнал типа московской «Латинской Америки». Поэтому, наши страницы открыты для авторов различных идеологических взглядов. Кроме этого, мы считаем необходимым публиковать источники, которые не были введены в оборот ни советскими латиноамериканистами, ни их официальными современными наследниками. Мы полагаем, что корпус источников по истории стран Латинской Америки не должен ограничиваться источниками только латиноамериканского происхождения. Проблемы новейшей истории стран региона отражены в интеллектуальных традициях и других государств. Поэтому, в данном номере «Политических изменений в Латинской Америке» мы публикуем текст неизвестного автора «Был диктатор Перон», опубликованный в 1955 году в украинской газете «Оборона» в США. Кроме этого публикуется текст «Социальные силы за событиями в Аргентине», впервые изданный в 1955... Итак, еще один взгляд на проблемы перонизма...

Был диктатор Перон...

Был и не стало диктатора Перона. Десять лет диктовал Аргентине, такой великий и могущественный. Слушал его весь двадцатимиллионный народ и не то, говорили, что хотели слышать, а именно его слово было в народе святым. Говорили, что объединил все общественные классы и покончил с классовой борьбой. Согласовал все противоречивые интересы, победил политические партии, создал единую нацию, и нация была прежде всего. Выборы были для того, чтобы выбирать его друзей, и враги были для того, чтобы их сажать в тюрьму. Выступал, окруженный блестящими генералами, раз за разом его благословляла церковь, шесть миллионов рабочих всегда были

готовы восстать за Перона. Как только какая-то оппозиция приподнимала голову, сотни тысяч их собирались перед президентским дворцом для того чтобы кричать, что пусть живет Перон. Его именем называли школы, больницы, парки, улицы и целые города, и ставили ему при жизни памятники.

Как вдруг нет Перона. Сбежал и нет. Отреклись его лучшие друзья и помощники. Валят по всей Аргентине его памятники, переименовывают улицы, замазывают его имя на домах, стирают за Пероном все следы кроме следов в банках, где он, говорят, спрятал себе огромные сокровища. Что случилось? Не было ни войны, ни революции, а могущественного диктатора нет.

Говорили неправду, что держал он нацию вместе. Вообще не государство ее держит, а наоборот, государство удерживают люди и правильно это делает господствующий, то есть, помещетский класс. Экономическое преимущество дает ей также руководство в государстве, представительство нации и то понимание, что ее интересы – это национальные интересы. Когда ей необходимо, она приводит к власти в государства своего царя, вождя или диктатора и расхваливает его как предводителя всей нации. Диктатура Гитлера была диктатурой немецких капиталистов, диктатура Сталина – диктатурой советской бюрократии, которая там была господствующим классом, имея в своем распоряжении все богатство края.

Но бывает, что силы разных классов и групп в обществе более-менее уравновешенны. Тогда и государство от них более независимо и как посредник между ними старается уладить конфликты и, сколько можно, всех удовлетворять. В таких случаях бывает также, что его поддерживают классы и группы с полностью противоречивыми интересами, но каждый со своим интересом. Случается, что все признают в государстве как можно больше силы и власти, потому что каждый класс и группа надеются получить от них больше пользы. Исторические примеры представлены в основном монархиями Западной Европы 17-го и 18-го веков, которые держались на равновесии между землевладельческой аристократией и укрепляющимися городами и мещанством.

На нескольких стульях держалась диктатура Муссолини, такой же, надклассовой или межклассовой, была и диктатура Перона. Очевидно, что для диктатора такая власть более неопределенная, чем та, которая дается ему одним классом. Должно

прийти время, когда государство не сможет уладить все противоречивые интересы. Можно удовлетворять одну группу только с ущербом для другой. Что дав одной, то у другой должен отнять. Те, кто от него имели, начинают терять или боятся потерь.

Никто Перона не сверг. Но те классы, группы и клики, которые держали или позволяли его держать, выбыли из-под него стулья и диктатор упал как мешок с соломой.

Источник публикации: Був диктатор Перон // Оборона (Ню-Арк, Організація Оборони України). – Рік II. – Жовтень. – 1955. – частика 4. – С. 2. Перевод с украинского К. Смеяновой

Социальные силы за событиями в Аргентине

Несколько наших читателей просили прояснить политическую ситуацию в Аргентине в связи с революцией против режима Перона, в частности, какие социальные силы участвуют в борьбе. Поскольку мы сами мало ориентируемся в сложных аргентинских отношениях, мы решили напечатать статью пера аргентинского студента-социалиста, который сейчас учится в Лондоне. Нам кажется, что эта статья многое проясняет.

Политические беспорядки в Аргентине являются типичными для полуколониальной страны, которая пытается быстро развить уровень индустриализации и стать независимым капиталистическим государством. Аргентина всегда была крупным экспортером сельскохозяйственной продукции; она продавала пшеницу, мясо, шерсть по низким ценам на мировых рынках и взамен приобретала капитал и много потребительских товаров. Развитой была только пищевая промышленность - мельницы, сахарные заводы, которые были в собственности частично местных, а частично иностранных капиталистов. Железные дороги были собственностью англичан.

Правительство было в руках коалиции этих интересов: помещиков, промышленников-экспортеров и ставленников английского империализма. Экономическая политика правительства характеризовалась стремлением экспортировать как можно больше по низким ценам (чтобы выдерживать конкуренцию) и не делать никаких тарифных препятствий для импорта.

Вторая мировая война способствовала большим изменениям. Импорт зарубежных товаров оборвался и поэтому собственные отрасли промышленности вынуждены были подняться. Их владельцы скоро стали большой силой в стране и с той силой надо было считаться. Будущее этих капиталистов омрачалось только перспективой конца войны и возможностью наплыва в Аргентину дешевых товаров из-за границы.

В такой ситуации в 1943 году произошел военный переворот. К власти пришли шайка армейских полковников, а среди них и Перон. Это, пожалуй, был бы очередной бессмысленный и не интересный военный переворот, характерный для южно-американских стран, если бы не ситуация, описанная выше.

Господствующий класс в стране был разделен на две антагонистические группы: интересы экспортеров и помещиков требовали поворота до предвоенного состояния, а новые промышленники хотели оградить местные рынки от импорта, даже если бы это грозило конфликтом с иностранными империалистами и вредило бы сельскохозяйственному экспорту. Сознательные представители нового текстильного и металлургического капитала решили поддержать новый режим и сделать его своим орудием. В процессе борьбы, среди полковничьей шайки, они помогли Перону стать диктатором. Незамедлительно вскоре два важных промышленника заняли должности министров финансов и торговли.

Но сами по себе эти новые предприниматели и Перон были слишком слабыми, чтобы долго удерживать власть. Старые капиталисты, экспортеры и землевладельцы значительно превосходили их и количественно, и качественно. Поэтому режим Перона должен был искать поддержки в других социальных группах. Он обратился к рабочему классу и при помощи демагогии Перона получил поддержку большинства его.

Успех демагогии Перона среди рабочих стал возможен потому, что экономическая программа нового правительства способствовала экономическому развитию страны. Промышленность продолжала развиваться и после войны. Население Буэнос-Айреса увеличилось почти на миллион в течение десяти лет. Правительство исповедовало экономическую теорию Кейнса (то есть, примерно то, что президент Рузвельт внедрял в Америке, - Ред.). Было принято несколько законов о социальном обеспечении, страховании против безработицы и продолжена политика повышения зарплат.

Все это делалось за счет интересов старых групп. Против помещиков и экспортеров была установлена государственная монополия, которая покупала сельскохозяйственную продукцию за пол, а то и треть мировой цены, а продавала на мировых рынках по нормальной цене. Выгоды из этого шли на индустриализацию страны. Даже те огромные суммы, которые разворовывались министрами Перона, шли на индустриализацию, потому что министры вкладывали их в свою промышленную собственность.

Был также нанесен удар по империалистам. Все английские железные дороги были национализированы, так как на это время английский империализм уже стал приходить в упадок по

всему миру. Национализирована была также американская собственность на электростанции и некоторые другие участки потребительской промышленности. Надо, однако, сказать, что не делалось никаких попыток переделать земельную реформу или национализировать собственность аргентинских капиталистов. Поэтому силы старых групп были лишь немного прижаты, но не уничтожены.

На рабочем фронте старые, контролируемые социалистами, профсоюзы, которые все время преследовались предшествующими консервативными правительствами, были окончательно уничтожены, а их лидеры арестованы. Часть профсоюзных бюрократов стала, однако, на стороне правительства и вступила в перонистскую партию. Членство профсоюзов быстро росло за счет новых рабочих, которые приходили в города от помещиков. Темные, невежественные, политически совсем бессознательные, они массово шли за лозунгами Перона, который выступил в роли защитника рабочих интересов. Правительство создало новые профсоюзы, Перонистская партия дала им значительные денежные средства, но зато всю власть в них взяла в свои руки. Так профсоюзы превратились в опору режима.

За время властвования Перона каждые два года происходили противоправительственные восстания, руководимые армейскими офицерами и ставленниками помещиков и старых капиталистов. В этих случаях Перон звал рабочих «в защиту революции» и они массово выходили на улицы городов. Перон тогда проклинал перед ними старых капиталистов (но не новых, что у него в правительстве!), помещиков, иностранный империализм (даже американцев!) И вообще был хорошим артистом. Перевероты правых проваливались.

Католическая церковь, которая в Аргентине традиционно воспринималась с помещиками, все же изначально поддерживала Перона. За эту поддержку Перон давал ей право обязательного преподавания религии в школах и другие привилегии.

Однако, со временем ситуация в Аргентине стала меняться. Непосильная конкуренция с Америкой и Канадой на мировых рынках сельскохозяйственной продукции в течение последних лет замедлила аргентинскую индустриализацию и нарушила экономическую стабильность в стране. Началась большая инфляция, цены намного перегнали зарплату. Реальная зарплата в 1954 году упала до уровня, который был до прихода к власти Перона. Рабочие стали выходить из-под контроля. Несмотря на

полицейские преследования, начались забастовки, управляемые старыми социалистическими и анархическими профсоюзными деятелями. Забастовки эти считались нелегальными и часто были кровавыми. В 1949 году была крупная забастовка на сахарных заводах, в 1951 году - на железных дорогах, в 1954 году - в металлургии и т.д.

Возможно, капиталисты и церковь начали понимать, что, если такое развитие ситуации будет продолжаться, Перон дальше не сможет обманывать рабочих и в стране автоматически начнется социальный кризис. Если же Перон потеряет поддержку рабочих, то новые капиталисты снова будут слабыми в лице все еще сильных и преобладающих помещиков и старых капиталистических групп. Поэтому единственным выходом оставалось объединение всех сил господствующего класса (новых и старых капиталистов и помещиков, с благословения церкви, имеющих поддержку значительного количества среднего класса, мелкой буржуазии и мещанства, при поддержке симпатий иностранных империалистов) и всеми этими объединенными силами, устранить ненужного больше Перона, сберечь режим от социального кризиса и нарастающего беспокойства среди рабочих.

Кажется, что и сам Перон понимал необходимость развития в эту сторону и даже начал идти в эту сторону. С 1953 года он попытался объединить все группы господствующего класса, перестал ругать старых капиталистов, помещиков и империалистов, а в 1955 году даже взял курс на примирение с Америкой, дав большие нефтяные концессии американской компании. Но видно Перон слишком медленно двигался в этом направлении, потому что не смог за такое короткое время изменить свои прежние позиции и помириться со старыми группами. На него особенно были злы помещики, большинство из которых состоят из высших офицеров армии и флота. Церковь в свою очередь поставила ставку на новый правый режим, видя, что Перон все равно обречен.

Под ударом этих объединенных сил режим Перона пал. Падение диктатуры всегда желанно для всех социалистов и демократов, потому что все же открывается надежда, что создадутся возможности для свободного рабочего движения. Однако перед Аргентиной стоит еще большая доля неуверенности. Правые и реакционные круги, которые повернули революцию против Перона, являются резко антирабочими. Среди них самих

нет единства, потому что традиционные источники конфликтов остаются. Какая-то группа «революционеров» наверняка будет искать поддержки в Америке, чтобы побороть своих противников. И так далее. Однако, наверняка есть хоть какое-то ближайшее будущее у моей родины, все же среди этой неуверенности неизбежно будет расти классовая борьба, будет расти сознание и политическая активность рабочего класса, а это лучше, чем иллюзии и диктатура Перона, потому что в этом развитии заложена уверенность на дальнейшее будущее.

Источник: Торкуато Ді Телла, Соціяльні сили за подіями в Аргентині / Торкуато Ді Телла // Вперед (Мюнхен). – Ч. 12 (61). – Грудень 1955. – Стор. 3 – 4. Перевод с украинского Ю. Корденковой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БРАЗИЛИИ

(переводы)

Жоржи Мараньяу

Лула: деконструкция мифа

Бывший президент Бразилии Лула совершил недопустимую для политика ошибку, уверовав в миф о своей собственной непогрешимости и утратив сознание границ дозволенного.

В своем классическом труде «Миф и реальность» румынский философ Мирча Элиаде вместо того, чтобы противопоставить миф реальности, утверждал их взаимодополняемость: «Миф считается священной историей, а следовательно, “подлинной историей”, поскольку все время обращается к реальности. (...) миф становится образцовой моделью для всех значимых видов деятельности человека». Философ описывал преимущественно примитивные общества, и именно эта идея имеет решающее значение для понимания мифа в условиях современности. Быть примером – это ключевая роль мифа как в истории, так и в персонификации с проекцией на то или иное общество... нас интересует именно этот аспект.

Все государства имеют свои мифы, героев, служащих образцом и примером для подражания и дарующих надежды на лучшее будущее. Политические мифы определяют судьбы народов... героев объединяет то, что в мифологический пантеон они попали уже после своей смерти... деконструкция созданных мифов является трудной задачей... тривиальные ошибки в поведении и высказываниях им уже не грозят. Их образы оказались отчуждены от реальности и «застыли» во времени, в умах и сердцах людей.

...в Бразилии это противоречие существует в иных терминах: наши мифы живы, или были живы, пока шел процесс трансформации... по причине легковерия и потребности народа в чуде, мы спешили мистифицировать наших лидеров... например, императора Педру II по прозвищу «Великодушный», который сам предпочитал, чтобы его называли «покровителем искусств и наук». Или Жетулиу Варгаса, первопроходца и вечного «отца бедных», прославившегося именно в этих ипостасях. Или его главного соперника Луиса Карлоса Престеса, «рыцаря на-

дежды», ценимого прогрессистами... или Жуселину Кубичека из Минас-Жерайс, «президента в стиле босса-нова», который не только обещал за пять лет совершить 50-летний скачок, но и воплотил суть популистской традиции провиденциализма.

...в предсмертных хрипах и столах диктатуры возникает новый и самый крупный из политических мифов... миф о том, что Лула пришел, чтобы избавить нас от диктаторов, бездарей и коррупционеров. Сильный и выносливый уроженец Северо-Востока Бразилии, победитель по жизни, защитник бедных, первый рабочий, достигший высшего политического поста, указывающий, как надо правильно поступать ненавистным богачам и элите. Во истину благочестивый образ!... Проблема в том, что Лула не умер, чтобы увековечить эту победоносную историю народа с опытом сплошных потерь. Он жив, как сам в последнее время любит повторять.... с течением жизни неизбежно происходит деконструкция мифа... собственные решения Лулы не отвечают требованиям его избирателей. Наделенный ореолом наивысших, с точки зрения коллективного сознания, моральных достоинств, Лула в центре внимания СМИ, но из-за неприятностей и пороков самого смертного из людей....

Где же сокрыта ошибка? Самая большая для политика ошибка: поверить в миф о собственной непогрешимости и утратить чувство меры и благоразумие, свойственные подлинным лидерам. Верить, что, мифологизация ставит его выше законов и морального кодекса, которым подчиняются простые смертные. Думать, что в праве игнорировать одно из наиболее известных положений Канта, золотое правило моральных норм, о котором он, вероятно, никогда не читал, но смысл которого ему завещала Дона Линду, его смиренная и почтенная мать: «Не делай того, о чем потом будет стыдно рассказать». Ставший феноменом гражданского лидерства в стране и мире, жаждущем новых методов и форм политического представительства, латиноамериканский аналог Леха Валенсы пришелся кстати на фоне отсутствия других харизматических фигур, которых народ не переставал взращивать в своем исполненном романтизма и поисков спасителя воображении...

Если Дон Педру II, Варгас, Престес и Жуселину всегда осознавали то, что играют мифическую роль народа, наш Лула поверил, что может воплотить собой «субъект», выполняющий миссию «вождя нации»... Лула в один прекрасный день вообра-

зил себе, что может злоупотреблять народным доверием, бросая вызов общественному мнению...

Нашего бывшего президента, наш бывший миф, развенчанный уже при жизни, как и ту надувную куклу, появляющуюся на манифестациях и получившую позорное прозвище Pixuleco, встречает звон кастрюль и автомобильные гудки. Лула пока не понял, что с ним рушится миф о Бразилии как о эгалитарной, провиденциалистской державе с безграничными свободами, правами без обязанностей и имитацией государства всеобщего благосостояния – этого крайне дорогостоящего, неэффективного, необоснованного мифа и работающего только в отношении ближайших к власти структур, наполненных 25 тысячами сотрудников, подготовленных лояльным профсоюзом, чья успешная статья анахронизмом левая идеология успела умереть.

Осмеяние и нападки со стороны общества стали результатом политической безответственности. Колосс на глиняных ногах рассыпается, погрязший в трясине уголовных расследований... на «нашего вождя» обрушиваются поношения, каким не подвергалась еще ни одна публичная фигура в истории Бразилии. Бывший герой, миф о котором развенчивается в нашем коллективном сознании – это необходимая плата за политическое большинство свободных граждан, ответственных за свой необдуманный выбор. Поэтому не зря М. Элиаде утверждал, что «быть свободным значит в первую очередь нести ответственность за самого себя»...

Источник: Jorge Maranhão, Lula: a desconstrução do mito / Jorge Maranhão [Электронный ресурс]. – URL: <http://epoca.globo.com/colunas-e-blogs/jorge-maranhao/noticia/2016/03/lula-desconstrucao-do-mito.html> Перевод с португальского языка М.В. Кирчанова.

После возвращения в мировое сообщество, Бразилия рискует почувствовать «глубинный раскол»

Будучи парализованной собственными внутренними недугами и проблемами, Бразилия оказывается буквально оторванной от основных тенденций, характеризующих то, что происходит сегодня на мировой арене. Наша политическая мелодрама и связанная с ней социально-экономическая трагедия не только уменьшили относительную роль Бразилии в международной повестке дня, но они создали своего рода «хронологический занавес» - так что Бразилия действует в собственном (замедленном) пространстве; а мир движется со своей скоростью.

Нам так и не удалось повысить нашу значимость на современной геополитической шахматной игре. Бразильская экономика, несмотря на свой огромный потенциал, остается в тисках модели, которая предусматривает невысокую степень взаимодействия с остальным миром. Что касается ценностей - или «мягкой силы» - ухудшение социально-экономической ситуации во многом способствует тому, что в глазах менее развитых стран Бразилия теряет свою привлекательность в моральном и прагматическом отношении, но так не может продолжаться вечно. С подъемом работающего правительства Бразилия получит шанс восстановить свою связь с миром.

И когда это произойдет, страна, вероятно, заметит, что процесс глобализации успел далеко уйти вперед. Или, если делать еще более смелые предположения, Бразилия, с одной стороны, столкнется с фрагментированным западным миром, а с другой - со стремительно развиваются азиатским миром во главе с Китаем и другими государствами. С точки зрения власти, богатства и влияния в современном мире продолжает складываться система, очерченная «большая двойка»: США и Китай, попеременно становятся лидерами в отношениях конкуренции и взаимозависимости.

Бразилия уже не раз подвергалась справедливой критике за свое нежелание укреплять торговые и инвестиционные связи с крупными западными рынками. За последние 13 лет это стало отличительной чертой нашей внешней экономической политики.

В основе подобной критики (неявно и обнадеживающе) пребывает мысль о том, что, если Бразилия решится, двери для нас по-прежнему будут открыты. Между тем, последние несколько месяцев свидетельствуют о том, что с изоляционизмом все чаще заигрывает уже сам Запад. Речь идет не столько о «национализме», сколько о «национальном индивидуализме». Речь здесь идет не только о протекционистской риторике, почти возносящей Трампа на вершины власти в США. Или о резкой критике, с которой Хиллари Клинтон обрушивается на транстихоокеанское партнерство, которое якобы сулит выгоды американским трудящимся.

В последнее время с небывалой силой возросло сопротивление европейских стран мегасделкам с США, так называемому TTIP. В процессе глобализации эпохи «до падения Берлинской стены» большая глобальная интеграция многими рассматривалась как процесс, который дает преимущества оптимизации местной конкуренции и расходов. Ситуация кардинально меняется, если к этой картине добавить Китай, который естественным образом поглотил и сумел в геометрической прогрессии увеличить промышленные возможности после своего открытия мира в конце 70-х годов.

Вольфганг Мюнхау пишет о том, что глубинная глобализация в сочетании с технологическим прогрессом способствовала дезинтеграции того, что в свое время на Западе называлось «рабочий класс». Сегодня даже те страны, которым экспорт глобальных масштабов принес огромную выгоду, как Франция и Германия, вынуждены сталкиваться с серьезным сопротивлением общественного мнения по модернизационным реформам, касающихся в частности рынка труда.

Мюнхау называет этот процесс «возмездием проигравших в глобализации», поскольку западные демократии не смогли умело справиться с болезненным влиянием экономических потрясений, обусловленных стремительными финансовыми потоками и переворотом в области трудоустройства и технологий. В минувшие выходные по Германии прокатилась волна манифестаций против более свободной глобальной торговли. Именно в Германии, которая до 2009 года считалась крупнейшим экспортером в мире и своим возвышением после Второй мировой войны обязана в первую очередь торговле. И все это - в то самое время, когда Обама и Меркель намечали - по крайней мере

на бумаге - общие черты нового западного экономического альянса.

Если западная глобализация сейчас оказывается под вопросом, то другая, синоцентричная, по крайней мере, находится в движении. Китай продолжает расширять возглавляемый им «клан» многосторонних институтов (Банк БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути и т. Д.). Он развивает свой профиль, выступая источником прямых иностранных инвестиций и государственных займов. С другой стороны, Китай неизменно преследует страх за собственное экономическое здоровье, а также опасения, что непредсказуемость в финансовом секторе однажды может заставить его сосредоточиться на своих собственных проблемах - и поэтому частично лишить Китай власти и влияния проектируемых на остальную часть мира.

В недавнем прошлом в Бразилии были неплохие шансы подключиться к миру, главным образом его западной части, в большей степени способствовала отношений взаимозависимости. Сегодня Запад переживает своего рода глобализационных травму, и экономические переговоры проходят на таком уровне охвата и детализации (во многом за рамками торговли и инвестиций), к которому Бразилия, честно говоря, не готова. Покинув наконец свою пещеру, Бразилия поймет, что интеграция в разобщенную глобальную экономику - задача гораздо сложнее. Усилия сейчас придется направить не только на сферу экономической дипломатии, но и за ее пределы, добиваясь той же степени срочности, что и в случае многих других адаптаций конкурентоспособности, к которым стране необходимо приступить.

Источник: Troyjo M. Quando voltar ao mundo, Brasil encontrará globalização 'fraturada' / M. Troyjo [Электронный ресурс]. – URL: <http://www1.folha.uol.com.br/colunas/marcostroyjo/2016/04/1764964-quando-voltar-ao-mundo-brasil-encontrara-globalizacao-fraturada.shtml> Перевод с португальского языка М.В. Кирчанова.

Крах глобальных масштабов

Современная Бразилия – это крупнейший банкрот на планете, но не единственный. Мир перестал выполнять обязательства, которые его наиболее значимая и развитая в экономическом отношении часть (G20) взяла на себя: к 2018 году добиться роста экономики на 2,1 процентных пункта выше по сравнению с показателями, предсказываемыми Международным валютным фондом в 2013 году.

Прогнозируемый рост составлял 2,9%... в 2018 году мировая экономика должна продемонстрировать нам показатель в 5%.

МВФ настаивает, что цель не будет достигнута, если не произойдет чудо, на которое пока нет надежды.

Публикуя «Перспективы развития мировой экономики», МВФ вынужден снижать прогнозы роста. 12 апреля 2016 года был объявлен показатель на этот год, составивший 3,2%. Это – самый низкий уровень с 2009 года и на 0,2 процентного пункта ниже более раннего прогноза.

МВФ сократил на одну десятую показатель ожидаемого роста на 2017 год, определив его в 3,5%.

Поэтому вместо 2,1 процентного пункта выше ожидавшихся 2,9% в 2013 году мировая экономика демонстрирует рост только на несколько десятых процента, и этого явно не достаточно для восстановления пошатнувшегося доверия.

Главный экономист МВФ Морис Обстфельд полагает, что «слишком медленные темпы восстановления мировой экономики провоцируют сокращение инвестиций, в результате чего рост становится недостаточным для достижения полной занятости и повышения зарплат, а это в свою очередь может иметь опасные политические последствия». Эти слова идеально характеризуют последние события в Бразилии...

Процедура импичмента Дилмы Русеф не продвинулась бы вперед, если бы не резкий спад экономики и его последствия: рост безработицы, снижение заработных плат, сокращение инвестиций...

Дилма Русефф подписала итоговый документ саммита Большой двадцатки, в котором был обещан рост на 2,1 процента превышающий показатели по сравнению с 2013 годом.

Президент представила список инвестиций, которые позволяли бы Бразилии способствовать достижению поставленной перед мировой экономикой задачи, но на саммите Большой двадцатки в Анталии Дилма Русефф уже выступала в качестве главы правительства с самыми наихудшими экономическими показателями... если бы экономика страны росла, задержки с государственными выплатами... прошли бы незамеченными, но экономический провал спровоцировал политический кризис, который достиг наивысшей точки.

Не утешает факт, что свои обязательства нарушает и весь оставшийся мир, что свидетельствует о том, что власти не располагают необходимыми инструментами для усиления темпов роста собственных экономик.

Источник: Clóvis Rossi, Um fracasso planetário / Clóvis Rossi [Электронный ресурс]. — URL:

<http://www1.folha.uol.com.br/colunas/clovisrossi/2016/04/1760704-um-fracasso-planetario.shtml> Перевод с португальского языка М.В. Кирчанова.

Мир тоже существует

Многие за пределами Бразилии не понимают эту страну, и поэтому попытки разобраться в национальной идентичности бразильцев неизменно заводят обычного иностранца в тупик: Какая страна Бразилия? Богатая или бедная? Белая или черная? Земной рай или ад?

Продолжение процедуры импичмента, одобренное 17 апреля 2016 года нижней палатой парламента, добавило к этой путанице дополнительный элемент: процветающая демократия или правительство, задумавшее государственный переворот?

Эти сомнения иностранцев и бразильцев вполне объяснимы: имеются свидетельства того, что Дилма Русефф на посту Президента манипулировала государственными средствами, но когда в связи с ее потенциальным смещением с должности Президента мы наблюдаем воодушевление политиков, обвиняемых в коррупции лиц, невозможно не задуматься о том, что их торжество тоже не есть хорошо.

Мы на каждом углу кричим, что Бразилия – это миролюбивая страна, мы не вмешиваемся в различные международные конфликты, но сами живем, как в военное время, в условиях значительной неопределенности. Страна кажется нездоровой и больна, и, вероятно, ее тошнит.

В эпохи неопределенности многие вещи могут вводить в заблуждение. Основополагающее значение в такой ситуации обретает уважение к институтам. Поэтому, законы должны соблюдаться, а каждый преступный акт властей должен быть расследован. Роль народа и гражданского общества состоит в том, чтобы влиять на принятие этих мер.

Нам необходимо извлечь урок из трагедии, чтобы она не повторилась. Дети продолжают расти, а нам предстоит восстановить страну, эффективно используя ресурсы бразильского государства. Внешняя политика, фактически заброшенная правительством Дилмы Русефф, может стать одним из этих ресурсов.

Дилма Русефф не объясняла, какую роль она назначила для Бразилии во внешнем мире. Она не знала этого сама. За эту неопределенность пришлось заплатить дорогую цену: мы

утратили инвестиции, доверие и влияние и поэтому ее преемник уже не сможет себе этого позволить.

Ему придется со стратегической точки зрения обдумать возможности и цели страны в мире. В силу сложившейся экономической ситуации, эти идеи должны учитывать роль внешней торговли в контексте восстановления экономики. Поэтому важно, чтобы министры финансов, развития, промышленности, торговли и сельского хозяйства работали в сотрудничестве и контакте с министерством иностранных дел.

Современная международная обстановка является не самой приятной. Репутация Бразилии в мире испорчена. В латиноамериканском контексте картина становится еще хуже от того, что генеральные секретари УНАСУР и ОАГ оспаривают законность импичмента в Бразилии, называя его «противоречащим демократии государственным переворотом».

Трудности на международной арене придают ценность экспертизе со стороны дипломатов, но крайне важно, чтобы бразильский МИД подверг себя самокритике и изменился в сторону обновления. В период нескольких лет правления Дилмы Русефф ему приходилось испытывать притеснения и иметь сокращающийся бюджет. Поэтому, необходимо, чтобы Министерство иностранных дел преодолело институциональную депрессию и внесло свой вклад, на который оно пока способно.

Источник: Alexandre Vidal Porto, Existe um mundo lá fora / Alexandre Vidal Porto // Folha de S. Paulo. – 2016. – 19 de abril. <http://www1.folha.uol.com.br/colunas/alexandrevidalporto/2016/04/1762409-existe-um-mundo-la-fora.shtml> Перевод с португальского языка М.В. Кирчанова.

...жить в другой Бразилии...

Выезд из Бразилии профессиональной и научной интеллигенции вызывает беспокойство, отсюда важность кампании в защиту перемен в стране, а не перемены места жительства.

... я стараюсь обращать внимание читателей на философские аспекты политического кризиса, такие как коррупция моральных ценностей, провоцируемая безответственной социальной элитой, паразитизмом государства, сборищем недобросовестных политиков и теми самыми левыми, которые не дорожат присущими традиции западной цивилизации моральными принципами и ценностями, считая их атрибутами буржуазии. Я поступаю так, поскольку объективные аспекты кризиса, как то двузначные цифры, достигнутые целым рядом негативных экономических показателей — инфляцией, спадом промышленного производства, безработицей, дефицитом бюджета и падением внутреннего потребления — регулярно обсуждаются экономическими аналитиками. Равно как и политическими комментаторами, которые все чаще пишут о последствиях процедуры импичмента и снижающемся уровне доверия правительству. Просто чтобы дать вам представление о катастрофических результатах правления Дилмы Русефф: бизнесмен Флавиу Роша привел пугающие цифры: «В 2015 году по всей Бразилии было закрыто 100 тысяч магазинов, что равносильно закрытию всех торговых центров страны, где как раз сосредоточено до 100 тысяч магазинов». И это учитывая, что Национальная конфедерация торговли, включающая малый бизнес, только в текущем году оценивает число уволенных в этой сфере работников в 250 тысяч!

Ввиду ужасной картины и, как если бы всех этих бед было недостаточно, мы также не можем оставить незамеченным такое явление, как утечка инвестиций, ставшая результатом безответственной и невежественной политики «новой экономической модели» погрязшей в коррупции «Партии трудящихся»... в памяти еще живы воспоминания о том, как вскоре после переизбрания Дилмы Русефф в 2014 году... в одном только декабре иностранные инвесторы вывели 14,5 миллиардов долларов инвестиций. Это – самый крупный отток иностранных инвестиций зарегистрированный в Бразилии, превосходящий по своим

масштабам такие периоды, как глобальный кризис 2008 года и девальвация реала в 1999 году. Недостача уже с учетом поступления ресурсов оказалась самой большой начиная с 1982 года, когда Центральный банк впервые приступил к анализу. В 2015 году общий объем зарубежных инвестиций с фиксированным доходом в Бразилии снизился на 38,8 миллиарда долларов, превысив отток капитала из России (34,1 миллиарда) и Турции (16,6 миллиардов).

Речь идет не просто о паническом бегстве инвесторов ввиду кризиса доверия правительству... Мы являемся свидетелями еще большего бегства, явления, известного как утечка мозгов, против которого в интернете распространяется баннер: «Я не хочу жить в другой стране. Я хочу жить в другой Бразилии». Фраза, пополнившая список многочисленных призывов к сопротивлению сотен общественных движений, присутствовавших на мегаманифестациях 13 марта. Цифры исхода нашей научной интеллигенции из страны впечатляют. По данным Федеральной налоговой службы, с 2011 по 2015 год число заявлений о намерении покинуть страну выросло на 67% с восьми тысяч в 2011 году до более чем 13 тысяч в 2015 году. С начала экономического кризиса в 2014 году эмигрировали почти две тысячи бразильцев. Основными направлениями, помимо США, Австралии и Канады, являются европейские страны.

Массовое бегство представляет собой совершенно новый феномен, выходящий за пределы ученых и студентов по обмену. В конце 1980-х годов с первой большой волной эмиграции из страны выезжали представители среднего класса, но не квалифицированные профессионалы. Бразилия – это страна, которая чувствует недостаток гражданской и политической элиты. Она отдается на поругание невежественным левым синдикалистам, паразитам государственной машины: если раньше супруга бывшего Президента Лулы да Силвы Мариза Летисия позволила себе устроить в саду дворца Альворада, официальной резиденции бразильского главы государства, цветочную клумбу в форме звезды, символа «Партии трудящихся», то современная его обительница пытается трансформировать Планалту в трибуну для бурных митингов. Это - отчаянная попытка защитить свой мандат, полученный после грязной сделки с нефтяным гигантом... сторонники Д. Русефф путают сферу государственных интересов с частной сферой.

Будучи свидетелями всех этих сцен, люди пытаются бороться, выражая свое отвращение, но многие бразильцы не могут больше этого выносить и покидают страну. В одной только Флориде из общего количества легальных бразильских иммигрантов, равного примерно одному миллиону, по оценкам, находится бразильское сообщество численностью в 300 тысяч иммигрантов, на протяжении последних двух десятилетий, которые сбежали от социальной деградации и политики страны. Если в 1980-е годы бразильцы мигрировали по причинам академического характера или пытались начать новую жизнь, иммигранты современности являются выходцами из бразильской элиты, которые бегут не только из соображений безопасности, но ради повышения качества жизни. По данным Американской ассоциации риэлторов, во Флориде бразильцы купили более 25 тысяч объектов недвижимости по средней цене в 550 тысяч долларов каждый, что составляет почти 10% от всех объектов. Бразильскую элиту привлекает более мягкий климат Флориды, но массовый исход элит стимулирован и мотивирован опустошением страны институциональной ненадежностью, то есть сочетанием правовой, политической, моральной, экономической и социальной неопределенности...

Источник: Jorge Maranhão, Quero viver em outro Brasil / Jorge Maranhão [Электронный ресурс]. – URL: <http://epoca.globo.com/colunas-e-blogs/jorge-maranhao/noticia/2016/04/quero-viver-em-outro-brasil.html> Сокращенный перевод с португальского языка М.В. Кирчанова.

Судьба Лулы, Бразилии и Латинской Америки

Динамичные события в Бразилии регулярно вносят изменения и перемены в судьбу Лулы, этой южноамериканской страны в частности и всей Латинской Америки в целом. За две недели, с 4 по 18 марта 2016 года, Лула превратился в оратора крупнейшей демонстрации в Сан-Паулу, где его приветствовали сотни тысяч человек.

Прошло несколько часов, и самый сумасбродный и несправедливый судья Верховного федерального суда Жилмар Мендеш воспользовался тем, что все члены суда были в отпусках, опубликовал указ, запретивший Луле вступить в должность главы Гражданской канцелярии Президента в правительстве Дилмы Русефф.

Завершая картину буффонады, царящей в самом худшем из Конгрессов, которые когда-либо имела Бразилия, необходимо упомянуть, что Эдуардо Кунья, самый коррумпированный бразильский политик, добивающийся импичмента Президента, значительно укрепил свои позиции.

Это очень похоже на игру в казаки-разбойники, которая скрывает истинные цели событий. Активные действия альянса, состоящего из ведущих СМИ, органов судебной власти, федеральной полиции и правых партий, свидетельствуют о желании вытеснить Лулу из политики, так как он продолжает оставаться вероятным кандидатом, который может вернуться в президентское кресло в 2018 году... он стремится спасти правительство Дилмы Русефф путем преодоления затяжного кризиса.

Правые этого пытаются и стараются не допустить. И прежде всего – вступления Лулы в должность главы Гражданской канцелярии Президента при широкой народной поддержке. Демонстрации, прошедшие 18 марта 2016 года, показали, что левые восстановили единство и сплоченность и подтвердили, что Лула является их бесспорным лидером. Те, кто в Бразилии и за ее пределами поспешили заявить о политической смерти Лулы, показали, что их желания и ожидания далеки от действительности и реальности.

Проблема состоит в том, сумеет ли Лула занять свою должность в правительстве. Если ему это удастся, то он сможет

совмещать свои действия, находясь в составе правительства с народными выступлениями по всей Бразилии....

Судьба Лулы предопределит судьбу Бразилии: если его не смогут вытеснить из политической жизни, он будет играть решающую роль в спасении Дилмы Русефф, а, если ему это удастся, он станет самым вероятным кандидатом на выборах 2018 года... дорога правым к власти в Бразилии окажется закрытой.

Если правым удастся вытеснить Лулу из политической жизни, то будущее Бразилии, со всеми вытекающими последствиями для Латинской Америки, будет абсолютно другим. Поэтому, Бразилия в настоящее время переживает решающий момент.

Источник: Emir Sader, El destino de Lula, de Brasil y de América Latina / Emir Sader [Электронный ресурс]. – URL: <http://blogs.publico.es/emir-sader/2016/03/21/el-destino-de-lula-de-brasil-y-de-america-latina/> Сокращенный перевод с португальского языка М.В. Кирчанова.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ МИРОМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИЕЙ

М.В. Курчанов

Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (европейский историографический опыт и латиноамериканские контексты)

Автор анализирует факторы исторической политики или политики памяти в современных обществах. Политические элиты склонны манипулировать историей для формирования идентичности. Историческая политика стала механизмом актуализации лояльности. Историческая политика также развивается как форма секьюритизации памяти. Историческая политика содействует унификации культуры памяти и размыванию альтернативных версий исторической и политической памяти. Традиционно «прародиной» исторической политики позиционируется Центральная Европа. Автор полагает, что аналогичные механизмы и стратегии работы с прошлым были использованы в 1990-е годы политическими элитами стран Южной Америки, например, Чили, где процессы демократического транзита содействовали историческим дебатам и политическим преследованиям альтернативных исторических памятней.

Ключевые слова: историческая политика, историческая память, историография, идентичность, национализм, Латинская Америка, Чили, политический транзит

The author analyzes factors of historical policy or politics of memory in contemporary societies. The political elites tend to manipulate history for formation of identity. Historical policy becomes a mechanism of actualization of loyalty. Historical policy also develops as a form of securitization of memory. Historical policy promotes unification of culture of memory and erosion of alternative versions of the historical and political memories. Traditionally Central Europe is imagined as "homeland" of historical policy. The author believes that similar mechanisms and strategies of working with the past were used in the 1990s by political elites of the South American countries, such as Chile, where democratic transition processes assisted to historical debates and political persecution of alternative historical memory.

Keywords: historical policy, historical memory, historiography, identity, nationalism, Latin America, Chile, political transit

История и национализм развивались параллельно и на протяжении 19 и 20 столетий история была важным фактором в легитимации национализма, а национализм мог быть той политической идеологией, которая в зависимости от исторической ситуации, вдохновляла интеллектуалов на борьбу с ним или вынуждала разделять и развивать его цели, задачи, ценности и принципы. В общем, отношения между историей и национализмом никогда не были простыми и идиллическими. Историки легитимизировали и оправдывали национализм, национализм вдохновлял историков. Эта схема, хотя и примитивизированная и несколько упрощенная, действовала в большинстве стран Европы в 19 и 20 веке, но политические и социально-экономические трансформации конца 20 – начала 21 века положили конец этой продолжительной и добровольной кооперации национализма и истории.

Распад СССР, появление новых государств в Центральной Европе и на Балканах, рост националистических движений – все эти факторы поставили как перед профессиональными академическими сообществами историков и политическими группами, тех обществ, к которым они принадлежали, качественно другие и принципиально новые задачи. В современной актуальной политической ситуации очевидная связь истории и национализма перестала быть достаточной для реализации тех задач, которые в зависимости или независимости друг от друга ставят политические группы и академические сообщества. Для современных обществ уже недостаточно просто и только издать учебник, содержащий политизированное и идеологически выверенное изложение истории, подготовленное национально ориентированными интеллектуалами, и которое в одинаковой степени удовлетворяет как историков, так и спонсирующих и поддерживающих их политиков.

Эти факты в одинаковой степени быстро и почти одновременно оказались осознанными и понятыми как историками, так и политиками, что заставило их скорректировать и без того предвзятые, в глазах сторонников чистой науки или идеализаторов политики, отношения между историей и национализмом, которые стали портиться, так как историю все чаще начали обвинять в политической предрасположенности и ангажированности, а политиков – в политизации истории. Частично в этом контексте, а также благодаря действию других факторов в со-

временных обществах возник феномен известный как историческая политика.

Единого определения понятия «историческая политика» не существует, но, в целом, под исторической политикой следует понимать совокупность интеллектуальных практик профессиональных исторических сообществ, так и политические меры, направленные на работу с исторической памятью в контексте забывания и замалчивания, или, наоборот, актуализации тех или иных исторических фактов, интерпретированных в соответствии, как с современным уровнем развития исторического знания, так и в контексте политического и общественного запроса. В целом, историческая политика – эта политика памяти, или, если определять более конкретно и, как следствие, цинично – это работа с памятью, политически и идеологически мотивированная проработка памяти.

Приведенное выше определение относится к числу пространственных и отчасти общих и, поэтому, принимая во внимание специфику журнала «Политические изменения в Латинской Америке», у неподготовленного читателя может возникнуть вопрос относительно того, какое отношение историческая политика или политика исторической памяти имеет отношение к Латинской Америке. Может показаться, что эта тематика не столь актуальна для Латинской Америки как региона и латиноамериканистики как междисциплинарной формы знания, если принять во внимание, что на современном этапе регион сталкивается с качественно другими, преимущественно – экономическими и социальными, проблемами и трудностями, но латиноамериканская ситуация свидетельствует, что это не так.

История 20 века была в Латинской Америке достаточно бурной и противоречивой, а регион получил уникальный опыт развития в рамках недемократических авторитарных режимов. На современном этапе на Кубе, этом «острове свободы», продолжает существовать и даже функционировать недемократический авторитарный левоориентированный режим, основанный на монополии на власть, которая принадлежит представителям семьи Кастро. В разное время авторитарные режимы существовали в Бразилии, Чили, Аргентине... и местные национальные коллективными историческими памяти о них являются чрезвычайно различными. Очень болезненно на актуализацию в коллективных памятях событий периода пребывания у власти военных реагируют некоторые группы в Чили и Аргентине, что,

в целом, указывает на актуальность проблем исторической политики в ряде латиноамериканских обществ.

Поэтому, целью данной статьи является показать то, что историческая политика не является неким абстрактным исключительно европейским изобретением, но имеет самое непосредственное отношение к культурной и интеллектуальной истории стран Латинской Америки. Что касается задачи статьи, то в качестве основной Автор видит попытку анализа европейских форм и средств исторической политики для их дальнейшей актуализации в контексте изучения исторической политики в странах латиноамериканского региона.

Историческая политика не есть совокупность манипуляций с историей со стороны националистов-интеллектуалов, хотя и такое традиционное «написание истории непосредственно влияет на развитие идентичности» [3], а во многих отношениях «занятие историей несет печать популярного и официального национализма... исследования и работы в области академической истории, несконные пиететом к национальным святыням» [8, с. 170]. Историческая политика, к сожалению, явление неизбежное и ее истоки следует искать в истории самой исторической науки. А. Миллер, комментируя ситуацию, подчеркивает, что «история всегда была в той или иной степени политизирована. Собственно, когда она складывается как профессиональная дисциплина, это уже рамки того, что принято называть национальным нарративом, национальной историей, т.к. историки участвуют в формировании идентичности, в строительстве нации и пр. Они занимались тем, что помогали государству воспитывать хороших солдат и т.д. В общем, если мы посмотрим на конец XX в., было ощущение, что эта роль истории уходит в прошлое, причем как в Западной Европе, так и у нас» [10].

Историческая политика, политизация и идеологизация исторического знания неизбежны несмотря на то, что «ответы на вопрос «зачем нужна история», казалось бы, должны быть одинаковыми для историков всего мира, и все же в каждой стране имеются и свои варианты ответа, в каждой стране сообщество историков имеет свои институциональные традиции, свой стиль национальной историографии» [17]. В современных обществах передача коллективной памяти это «не стабильный процесс, а объект перемещения», так как «происходит рост фрагментации памяти, и разные социальные группы пытаются конструировать свое прошлое различно» [7, с. 30]. Современным элитам не

нужна история в традиционном понимании, так как оно для них одновременно архаично и непонятно в силу своего преимущественно хроноцентричного характера: «хронологическое понимание прошлого позволяет более органично вписывать различные этнические элементы в современную политическую нацию. История прошлых столетий – это только факты прошлого, которые не отягощены дополнительными политическими смыслами в то время как современность конструируется через свободную интерпретацию прошлого» [14].

С другой стороны, унаследованные от прошлого «популярные национальные стереотипы... трудно сломать» [8, с. 162]. Это осознают и политические элиты, которые локализуют эти стереотипы в центре новых исторических политик и способов манипулирования с историей. В таком обществе потребность в традиционной истории отпадает, отмирает как социальный и культурный рудимент, или минимизируется. История, как полагает белорусский философ Валянцин Акудович, «могла быть политическим товаром только в логоцентричном обществе, в обществе постмодерна история становится практически ненужной. В подобной системе истории просто нет... Историческое сознание выходит за границы только интереса к тому, что было в прошлом и стало историей. Оно требует использования накопленных знаний в... формировании будущего. Историческое сознание... делает те выводы из прошлого, которые применимы для достижения целей в будущем» [14].

История в этом интеллектуальном контексте становится множественным конструктом от того, что «конструирование новой идентичности протекает в виде работы над прошлым в режиме его конструирования» [14]. История в таком обществе интересна только как компонента исторической политики при условии актуализации ее прикладного и сервилистского предназначения. Поэтому, историю можно «использовать для достижения любых целей, даже диаметрально противоположных» [18]. Проблемы исторической политики относятся к числу актуальных и злободневных от того, что «сегодня существует восхищение исследованием коллективного и индивидуального "прошлого", которое используется для конструирования и поддержания идентичностей в новых политиках памяти» [7, с. 29]. Инициатором исторической политики нередко выступают власти, которые склонны в новой версии прошлого искать и находить легитимизацию и оправдание своих начинаний и действий.

Историческая политика пришла как альтернатива более ранним формам контроля над историографией со стороны политических элит. Конечно, в авторитарных обществах функции историка были политизированы и нередко сводились до сервилистских.

Историки в таких обществах работали в атмосфере идеологизации исторического труда, хотя некоторые авторы склонны писать, наоборот, о деидеологизации истории как это делает, например, С. Цвийиц, подчеркивающий, что «деидеологизация истории имеет важное политическое значение и может использоваться политическими элитами для формирования определенного взгляда на историю как инструмент в создании новых национальных идентичностей» [2], но история советской и постсоветской историографии обеспечивает историка множеством противоположных примеров, которые актуализируют идеологическую компоненту в историческом знании. Для советской историографии, в которой доминировал «цитатно-иллюстративный способ подачи материала», определяющими были «не идеологические установки, а партийный директивы» [15].

Современный российский историк П. Уваров в связи с этим подчеркивает, что «советский историк всегда готов был дать отпор буржуазным фальсификаторам, но и со своими соотечественниками он полемизировал не менее яростно... советские историки готовы были обвинять своих коллег сперва в меньшевизме и троцкизме, затем – в космополитизме, а позже – в структурализме и в подготовке «диверсии без динамита»; поэтому и научные статьи порой напоминали доносы, а доносы походили на научные статьи. Разоблачение врагов было атрибутом советской историографии – одни занимались этим с явным удовольствием, другие с трудом преодолевали порог безразличия, третьи делали это не задумываясь, поскольку это стало дискурсивной практикой... правильным методом по техническим причинам считался марксизм-ленинизм. Но, говоря компьютерным языком, марксизм для нас был не только «программной системой», но и «программой-оболочкой», преобразующей неудобный командный пользовательский интерфейс в дружелюбный графический интерфейс. При помощи нехитрых операций, поиграв в диалектику, под наш советский интерфейс можно было подогнать и какой-нибудь позитивизм Венской школы, и структурализм, а может, и Фуко смогли бы приспособить при желании» [17]. Историографический труд советского

историка был скован многочисленными предписаниями и ограничениями, но историческое сообщество не было жертвой проведения исторической политики со стороны властей.

Историческая политика и идеологически мотивированная политическая цензура исторического знания в значительной степени были отличны друг от друга, и при этом цензура была менее губительна, чем историческая политика потому, что сфера ее действия была более ограниченной. Историческая политика, как правило, не занимается цензурой историографической продукции. Историческая политика работает непосредственно с памятью, так как историческая память, по словам Карстена Брюггеманна, «помогает в создании общего прошлого и идеи единства, которая особенно важна в новых обществах, которые еще продолжают развивать политическое сообщество» [1]. Историческая политика формирует новые версии национальной истории, которые оказываются менее интересными, яркими и оригинальными чем те, которые писались в период авторитаризма.

Украинский историк Г. Касьянов полагает, что в результате трансформации истории в объект исторической политики общество получает не самую лучшую версию истории. Комментируя ситуацию, Г. Касьянов указывает на то, что историческая политика ведет к утверждению т.н. «реверсивной» истории. Г. Касьянов полагает, что «стандартная схема реверсивной истории предполагает проекцию настоящего положения дел в прошлое... стандартная схема (или исторический канон) существует и представляет собой набор не очень интересных интерпретационных и познавательных форм... важная черта канона – это этноцентричность, культурная и этническая эксклюзивность. В такой стандартной схеме главным актором является своя нация. Все остальные либо отсутствуют, либо игнорируются. Иногда, когда необходимо присутствие другой нации, она служит либо фоном, либо антитезой своей нации, которая мешает своей нации реализовать свою сущность... важная черта – это линейность и абсолютизация непрерывности собственной нации. В более радикальном варианте предполагается, что нация существовала всегда, по крайней мере, в рамках обозримой и описываемой истории. В более мягком – она существует с перерывами» [9]. В такой ситуации «взаимоотношения профессиональных историков с теми обществами, в которых они трудятся неизбежно оказываются нелегкими» [8, с. 171].

Пересмотр прошлого, который, «произошел после краха коммунизма, частично от того, что коммунистический период воспринимался как какая-то эрозия памяти в "режиме забывания"» [7, с. 29], очень взволновал политические элиты, которые поняли, что они могут утратить контроль над дискурсом. Каждая политическая система вне зависимости от идеологических предпочтений ее интеллектуальных классов «определенным образом формирует собственную память, содержание которой определяется использованием различных форм работы с фактами прошлого» [14]. В этом контексте историческая политика действует очень избирательно. Комментируя эту ее особенность А. Миллер полагает, что «политика памяти столь же неизбежна, как и политизация истории, - нет обществ, начиная с племенных, которые так или иначе не регулировали бы эту сферу... Неотъемлемой частью политики памяти является политика «забывания». Забывание может быть «вытесняющим», когда общество не касается определенных, чаще всего недавних событий как особенно болезненных и конфликтогенных. Примером вытесняющего забывания могут служить первые 15 – 20 лет отношения к теме нацистского прошлого в ФРГ, отношение во Франции того же периода к теме коллаборационизма и Виши или отношение к гражданской войне в Испании после падения франкистского режима» [12]. Крах коммунизма или любого другого авторитарного режима «представлял собой также дезинтеграцию официальной коллективной памяти и артикуляцию ее многочисленных неофициальных нарративов» [7, с. 29].

В современном мире элиты осознали важность контроля как истории, так и формируемой в контексте ее интерпретаций исторической памяти. В такой ситуации память о прошлом никогда не может быть личным опытом, она кристаллизуется через семейные рассказы, средства массовой информации, музеи, фильмы и исторические книги [4, р. 330]. Поэтому, любая новая версия истории, не просто созданная историками, но само создание которой было санкционировано правящими политическими группами, должна была воспитывать общество в духе восхищения перед властью и одобрения её действий, а совершенство правителей должна была доказывать усовершенствованная версия истории. Политические элиты современного мира страдают от неоавторитарной ностальгии, с тоской и грустью вспоминая, что «коллективные памяти (например, фольклор, нарративы, публичные ритуалы, архитектура и пейзажи, обра-

зование и культура) были поставленные под контроль и управление» [7, с. 29] в те времена, когда в их странах существовали авторитарные режимы.

Этой ностальгии подвержены в одинаковой мере и правые, и левые режимы, которые активно используют историческую политику для легитимации как своего пребывания у власти, так и для преследования политической оппозиции. Современный российский историк А. Миллер полагает, что «в коллективной памяти западноевропейских народов существенное место занимали и мотивы собственных страданий. Признание ответственности за темные страницы прошлого было избирательным» [11]. Последнее может иметь различные формы от прямого преследования представителей оппозиции (Венесуэла, Куба), до формально респектабельных и честных форм борьбы с оппонентами под маской судебных процессов по обвинению в преступлениях против человечности, как это, например, имело место в Чили. В такой ситуации представители элит верят в то, что «знание о прошлом не должно безоговорочно служить правде, а призвано оставаться в услужении у текущих политических интересов. Избирательность исторической политики проявилась и в латиноамериканском, в особенности – в чилийском, контексте, когда одни жертвы идеализируются, а другие – подвергаются уголовному преследованию, что превращает их в жертв в глазах правых политиков. Тот, кто так понимает историческое знание, перестаёт быть слугой общества и становится лакеем правящих элит. Но лакеи – плохие педагоги для общества свободных людей» [13].

Лакейская функция исторической политики может проявляться в попытках унифицировать гетерогенные исторические и политические памяти того или иного общества. По мнению Дэвида Рифа, такие тактики и стратегии работы с историей содействуют только ее грубым искажениям [16], актуализируя не академические, а политические измерения исторического знания, содействуя тому, что оно перестает быть знанием и мигрирует в направлении политической идеологии. Эта сервилистская функция исторической политики актуализируется в тех обществах, которые пережили или переживают переход от авторитаризма к демократии. В таких обществах элиты оказываются заинтересованы в том, что российский историк А. Миллер, определяет и описывает как «секьюритизация памяти» [11; 12], но процессы секьюритизации исторической памяти, наоборот, соз-

дают новые сложности и проблемы, нежели решает раннее возникшие. Элиты, которые делают выбор в пользу секьюритизации, подрывают консолидацию в обществе, и фактически институционализируют невозможность примирения [19].

Попытки обезопасить память со сторон неисториков, а разного рода идеологизированных и ангажированных политиков типа Мишель Бачалет в Чили, которая имеет сложные и семейно отягощенные отношения с режимом Аугусто Пиночета, создают условия не для национальной консолидации и достижения политического компромисса, но, наоборот, формируют интеллектуальную и культурную атмосферу в обществе, основанную на его политической и идеологической поляризации, что автоматически исключает национальное примирение. По мнению немецкого историка Алейды Ассман, существует несколько стратегий исторической памяти и, как следствие, исторической политики, включая «помнить, чтобы преодолеть» и «помнить, чтобы никогда не забывать» [5; 6]. Проблема состоит не только в том, что общество, которое выбирает между этими двумя стратегиями, будет переживать мучительные процессы формирования новой версии исторической памяти.

Проблема выбора между этими стратегиями памяти имеет преимущественно политический характер, так как опыт стран, которые переходили от авторитаризма к демократии и были вынуждены формировать новые версии исторической и политической памяти, неизбежно подвергались новой политической фрагментации, которая влекла за собой и неизбежную актуализацию множественности взаимоисключающих памятей о прошлом. Секьюритизация памяти может иметь самые разные формы до радикального судебного преследования носителей других памятей, что, например, имело место в Чили, где были вынесены обвинительные приговоры ряду офицеров чилийских Вооруженных Сил, которые в период недемократического режима обеспечивали его безопасность. Вероятно, судебное преследование в Чили сторонников Аугусто Пиночета стало радикальной попыткой унификации исторической и политической памяти – в этом отношении демократические преследователи ничуть не лучше военных преступников, преследованием и наказанием которых они занимаются. В такой ситуации, сервизм ряда интеллектуалов проявляется в стремлении унифицировать пространство исторических памятей и не допустить появления и, тем более, развития альтернативных интерпретаций

истории и других, конкурирующих, форм и версий исторической памяти.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Историческая политика в целом стала, с одной стороны, ревизией, модификацией отношений между историей и национализмом. Историческая политика, в отличие от традиционных отношений «история – национализм» имеет дело преимущественно не с нациями и идентичностями, но различными формами и версиями исторических и политических памятей, которые характерны для тех или иных государств, сообществ или групп. Историческая политика в этом отношении вносит определенные коррективы в то, что не успели завершить, или, по мнению современников, сделали не так националисты, политические группы и историки прошлых лет. В этом отношении историческая политика не только создает и формирует памяти, она инициирует их ревизии, внося те или иные коррективы в коллективные и устоявшиеся представления общества о его прошлом, которое описывается, конструируется и воображается в категориях национальной истории.

Историческая политика в этом контексте явление относительно новое. Она была не нужна во времена авторитаризма 20 века, когда правящим политическим группам было достаточно цензуры и подавления для того, чтобы направить развитие идентичности и нации в необходимом направлении. Ситуация радикально изменилась в начале 21 века, когда стало очевидно, что в результате политического транзита некоторые европейские общества оказались не в состоянии сформировать единые и унифицированные версии коллективных представлений о прошлом, которые составили бы твердое ядро и основу исторической памяти. Поэтому историческая политика – эта политика преимущественно манипулятивная, основанная на вмешательстве государства или исторического сообщества в процессы развития политических, социальных и культурных памятей. В этом отношении современная историческая политика очень отличается от более ранних отношений между историей и национализмом.

Эти более ранние отношения были отношениями в значительной степени идеальными или идеализированными: общество в лице формально представлявших его политиков артикулировало свой запрос на ту или иную историю, а профессиональное историческое сообщество такую историю для того или

иного общества писало, а позднее и тиражировало через среднюю и высшую школу. Историческая же политика, наоборот, сводит роль профессионального исторического сообщества к минимуму. Историческое знание в современном мире нередко артикулируется не профессиональными историками, а профессиональными политиками, которые считают, что история настолько важна, что допускать к ней историков не только не имеет смысла, но и небезопасно и нецелесообразно.

Поэтому историческая наука и историческая политика нередко развиваются параллельно и коммуницируют с обществом с использованием разных языков. Все эти особенности и противоречия исторической политики как политики памяти имели место не только в Европе, но и в странах Латинской Америки, которые, если впадать в умеренный ревизионизм, могут быть названы прародинами исторической политики, так как местные политические элиты и общественные группы, начиная с середины 1950-х годов, использовали различные тактики и стратегии, направленные на формирование политически нужных и необходимых версий исторической памяти, их интеграции в официальный идеологический канон, или вообще искусственно стимулировали и поддерживали забывание тех или иных событий, или, наоборот, актуализировали те сложные моменты национальной памяти, которые могли замалчиваться, игнорироваться и вытесняться более ранними, как правило, авторитарными политическими режимами.

Последующие статьи актуального номера «Политических изменений в Латинской Америке» станут нашими коллективными попытками показать, как возникали, менялись, развивались различные формы исторической политики в латиноамериканском регионе в контексте политических и культурных тактик, практик и стратегий, используемых и применяемых политиками и интеллектуалами для развития и укрепления идентичности, достижения и укрепления социального и политического согласия и консенсуса в рамках, как правило, преодоления коллективных исторических и психологических травм, полученных южноамериканскими обществами как в результате вынужденного получения авторитарного политического опыта, так и в контексте борьбы с его коллективными призраками в рамках перехода от авторитаризма к демократии...

Библиографический список

1. Brüggemann K., Kasekamp A. The Politics of History and the "War of Monuments" in Estonia / K. Brüggemann, A. Kasekamp // Nationalities Papers. – 2008. – Vol. 36. – No 3. – P. 426.
2. Cvijic S. Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia / S. Cvijic // Nationalities Papers. – 2008. – Vol. 36. – No 4.
3. Kuzio T. National identity and history writing in Ukraine / T. Kuzio // Nationalities Papers. – 2006. – Vol. 34. – No 4.
4. Till K. Memory Studies / K. Till // History Workshop Journal. – 2006. – Vol. 62. – No 1.
5. Ассман А. Четыре модели обращения с травматическим прошлым. Историческая память: от тяжбы к разговору / А. Ассман [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/17386>
6. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман / пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016.
7. Аўтўэйт Ё., Рэй Л. Мадэрнасць, памяць і посткамунізм / Ё. Аўтўэйт, Л. Рэй // Палітычная сфера. – 2006. – № 6.
8. Камерфорд В. Национальная идентичность и историческая наука в Ирландии / В. Камерфорд // Россия – Ирландия: коллективная память. Материалы конференции 11 – 12 ноября 2005 года, Москва, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино / ред. Е.Ю. Гениева, Дж. Харман. – М., 2005..
9. Касьянов Г. Национализация истории в Украине / Г. Касьянов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/01/06/ukraine.html>
10. Миллер А. «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения / А. Миллер [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/lectures/2008/05/07/miller.html>
11. Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. «Секьюритизация памяти»: историческая вина в руках политических антрепренеров / А. Миллер // Полития. – 2016. – № 1 (80). – С. 111 – 121.
12. Миллер А. Россия: власть и история / А. Миллер // Pro et contra. – 2009. – Май – август.
13. Михник А. Историческая политика: российский вариант / А. Михник // Родина. – 2006. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: http://istrodina.com/rodina_articul.php3?id=1906&n=99
14. Навука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года // Палітычная сфера. – 2006. – № 6.
15. Партноў А. Саветызацыя гістарычнай навукі ў Украіне і Беларусі (некаторыя канцэптуальныя меркаванні) / А. Партноў [Электронный ресурс]. – URL: <http://bha.knihi.com//07-2/476-488.htm>

16. Рифф Д. Культ памяти: когда от истории больше вреда, чем пользы. «Излишняя заикленность на памяти»: о пользе и вреде забвения / Д. Рифф [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/17958>
17. Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобрина с Павлом Уваровым // НЗ. – 2007. – № 55 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/research/2008/01/30/uvarov.html>
18. Шнайдер Т. Роля гістарычнай свядомасці ў палітыцы / Т. Шнайдер [Электронный ресурс]. – URL: <http://bha.knihi.com//05-01/08.htm>
19. Эппле Н. Coming to Terms with the Past: работа с памятью как необходимое условие национального примирения. Примирение с непримиримым: главная ставка текущей политики / Н. Эппле [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/16333>

**Мигель Краснофф Марченко
как объект чилийской исторической политики
и контексты политики памяти**

Автор анализирует проблемы образов Мигеля Краснофф Марченко в современной чилийской политической памяти. Автор полагает, что образ Мигеля Краснофф Марченко в 2000-е годы был сознательно политически и идеологически демонизирован. Чилийские СМИ культивируют негативный образ Мигеля Краснофф Марченко. Образ Мигеля Краснофф Марченко иначе воспринимается постсоветскими авторами, которые продолжают развивать его негативный образ или воспринимают как борца против левой идеологии. Историческая и политическая память о Мигеле Краснофф Марченко в современном Чили фрагментирована. Политические элиты 2000-х годов пытались унифицировать и гомогенизировать историческую память развивая исключительно негативный образ Мигель Краснофф Марченко, что стало следствием слабости и неуверенности политических элит.

Ключевые слова: Чили, историческая политика, историческая память, Мигель Краснофф Марченко, секьюритизация памяти

The author analyzes problems of Miguel Krasnoff Martchenko images in modern Chilean political memory. The author believes that image of Miguel Krasnoff Martchenko in the 2000s were deliberately politically and ideologically demonized. Chilean mass media cultivated negative image of Miguel Krasnoff Martchenko. The image of Miguel Krasnoff Martchenko is perceived in other way by post-Soviet authors who continue to develop its negative image or imagine him as fighter against the left-wing ideology. The historical and political memory about Miguel Krasnoff Martchenko in contemporary Chile is fragmented. The political elites of the 2000s tried to unify and homogenize historical memory and develop extremely negative image of Miguel Krasnoff Martchenko. These attempts actualized the weakness and uncertainty of Chilean political elites.

Keywords: Chile, historical policy, historical memory, Miguel Krasnoff Martchenko, securitization of memory

Историческая политика или политика памяти в современном мире принадлежит к числу наиболее противоречивых тактик и стратегий, которые могут использоваться властями и правящими политическими элитами как для поддержания тех или иных форм политической идентичности, так и для культивирования лояльности правящему элиту. В современном мире, вероятно, невозможно найти государства, где правящие полити-

ческие элиты в той или иной степени не использовали те или иные формы исторической политики и не манипулировали с памятью, соответственным образом изменяя прошлое и приближали его к необходимой политической повестке дня.

Прародиной современной исторической политики традиционно считается Польша, где правящие политические элиты не только фактически институционализировали манипуляции с прошлым, создав Институт национальной памяти, но и попытались унифицировать и гомогенизировать пространство исторических и политических памятей, поставив под сомнение их множественность. Политические элиты Польши не были первопроходцами в деле манипуляции историей в политических целях. Пересмотр истории в странах Центральной и Восточной Европы был спровоцирован процессами политического транзита, переходом от авторитаризма к демократии, но страны региона были не первыми государствами, которые столкнулись с подобными политическими вызовами.

Практически одновременно со странами Восточной и Центральной Европы процессы перехода к демократии начались в одной из стран Южной Америки, а именно с Чили, где был вынужден отказаться от власти генерал Аугусто Пиночет, который пришел к власти в 1973 году в результате свержения Сальвадора Альенде – просоветской политической креатуры. Уход А. Пиночета привел не только к началу процессов политического транзита, перехода от авторитаризма к демократии, но и спровоцировал переоценку социальных и культурных ценностей чилийского общества, а политические элиты инициировали процесс пересмотра исторических памятей, которые успели сложиться в период авторитаризма. В этом процессе, вероятно, следует выделять два этапа: на первом этапе (1990-е годы) политические элиты пытались дискредитировать военный режим, на втором (2000-е годы) они занялись уже непосредственным судебным преследованием офицеров под предлогом их наказания на военные преступления, совершенные в период пребывания военных у власти.

Одним из объектов исторической политики и политики памяти в Чили стала фигура бригадира Вооруженных Сил Чили Мигеля Краснофф-Марченко, который был осужден за преступления, совершенные им, по мнению чилийского суда после 1973 года. Фигура М. Краснофф-Марченко принадлежит к числу очень противоречивых в новейшей истории Чили: если для од-

них он военный преступник или даже кровавый палач военного режима, то для других – чилийский патриот, который принял самое деятельное участие в спасении Чили от марксистского режима Сальвадора Альенде, который довел страну до состояния социального и экономического кризиса. Судебное преследование в отношении Мигеля Краснофф-Марченко привело к фрагментации и расколу чилийского общества, а также спровоцировало волну мифотворчества в отношении офицера среди казачьих кругов России, значительная часть представителей которых оказалась склонна к мифологизации и позитивной, положительной идеализации М. Краснофф-Марченко, позиционируя его как продолжателя казачьих традиций и непримиримого борца против коммунизма. Другие авторы, наоборот, усердно и активно культивируют миф, в котором Мигель Краснофф-Марченко фигурирует как военный преступник.

Осуждение М. Краснофф-Марченко в Чили одновременно придало уверенности сторонникам как первой, так и второй точек зрения относительно его деятельности в период пребывания у власти военного режима. Противники Мигеля Краснофф-Марченко настаивают, что его осуждение свидетельствует о его виновности, а сторонники офицера склонны видеть в обвинительном вердикте сговор левых сил, которые, по их мнению, не могут простить Мигелю Краснофф-Марченко его последовательной антикоммунистической позиции.

Таким образом, в центре авторского внимания в данной статье будут проблемы исторической политики или политики памяти в Чили в контексте попыток воображения и изобретения Мигеля Краснофф-Марченко как в позитивной, так и негативной системе координат.

Активными факторами исторической политики и политики памяти в отношении Мигеля Краснофф-Марченко на протяжении 2000-х годов были чилийские СМИ, которые активно участвовали в демонизации бригадира М. Краснофф и формировании его негативного и отрицательного образа. Чилийские средства массовой информации активно включились в кампанию травли и дискредитации Вооруженных Сил, актуализируя факты преступлений, совершенных в период военного режима, в особенности – в 1970-е годы. Чилийские СМИ стремились переложить всю ответственность на чилийскую армию в целом или на ее отдельных офицеров в частности, что делалось намеренно и совершенно сознательно с целью оправдания поли-

тически и экономически обанкротившегося режима С. Альянде, который и был свергнут Вооруженными Силами 11 сентября 19743 года. Поэтому, дабы отвлечь общественное мнение от подлинных причин военного переворота, чилийские СМИ инициировали серию публикаций, направленных на дискредитацию армии. Целью этих публикаций стал радикальный пересмотр исторической памяти, ее пересмотр и ревизия.

Одно из первых упоминаний Мигеля Краснофф-Марченко, наряду с другим офицером Эрардо Уррихом, датируется 2002 годом, когда он был упомянут в контексте исчезновения Догерто Сан-Мартина, арестованного 17 декабря 1974 года и который позднее пропал без вести [16]. В 2004 году чилийские СМИ вновь упоминали Мигеля Краснофф Марченко в контексте дела Д. Сан-Мартина [4]. В 2002 году чилийские СМИ писали преимущественно о деятельности Мигеля Краснофф Марченко и его роли в ДИНА [5]. Кроме этого, некоторые чилийские СМИ в 2002 году писали о том, что Мигель Краснофф Марченко в 1970-е годы был причастен к исчезновению, как минимум, десяти противников военного режима [13] и применению пыток против задержанных [17]. На протяжении первой половины 2000-х годов тема виновности М. Краснофф Марченко в похищении противников режима [8] была одной из самых востребованных, что содействовало формированию его негативного образа. В публикациях первой половины 2000-х годов имя Мигеля Краснофф Марченко фигурировало в контексте мифологизированной Виллы Гримальди [9], которая ассоциируется с военными преступлениями против противников военного режима.

В публикациях 2003 года Мигель Краснофф Марченко фигурирует как штатный сотрудник ДИНА, виновный в «нарушении прав человека» [12] и в похищении священника Антонио Льядо, который пропал без вести во второй половине 1970-х годов [10]. В 2003 – 2004 годах чилийские СМИ писали об ответственности М. Краснофф Марченко за нарушение прав человека [3], похищения, пытки и исчезновение 23 противников военного режима [11]. В 2003 году чилийские СМИ возложили на М. Краснофф Марченко ответственность за применение пыток против задержанных [6], за похищение архитектора Фернандо Сильва Камю, который позднее пропал без вести [14]. Кроме этого, чилийские СМИ указывали на то, что М. Краснофф Марченко несет ответственность за убийство левого боевика Альваро Барриоса Дуке [15]. Чилийские СМИ в 2003 году писали, что Мигель

Краснофф Марченко был виновен в «совершении преступлений при отягощающих обстоятельствах» [7]. 7 июля 2003 года чилийские СМИ опубликовали интервью с Мишель Бачалет [2], в котором фигурировало имя и Мигель Краснофф Марченко, что фактически развязало руки другим чилийским изданиям в травле и критике роли армии в период военного режима, возложив на нее коллективную ответственность за нарушение прав человека [1].

Помимо чилийских СМИ в политику памяти в контексте формирования образа Мигеля Краснофф Марченко оказались вовлечены и некоторые русскоязычные как постсоветские, так и чилийские ресурсы.

Значительная часть русскоязычных публикаций о Мигеле Краснофф Марченко продолжает традиции чилийских левых, внося, таким образом, свой вклад в историческую политику, точнее – в манипуляции с исторической памятью, направленные на формирование негативного образа чилийского военного. Некоторые авторы формируют образ Мигель Краснофф Марченко как военный преступник, который участвовал в нарушении прав человека в период существования военного режима. Один из форматоров образов Мигеля Краснофф Марченко в современной политической памяти Олег Ясинский оценивает деятельность бригадного генерала крайне негативно, настаивая, что его имя стало «символом худшего из кошмаров новейшей чилийской истории», так как «Мигель Краснофф лично участвовал в похищениях, пытках и убийствах оппозиционеров» [29]. О. Ясинский полагает, что основной деятельностью Мигеля Краснофф Марченко были «массовые пытки граждан, подозреваемых в связях с запрещенными диктатурой политическими партиями и организациями трудящихся» [30].

В ряде постсоветских СМИ доминирует мнение, что Мигель Краснофф Марченко «беспощадно мстил чилийским левакам» [24], а коммунистические СМИ и вовсе объявили его «военным преступником» [19], «садистом» [26] и «пиночетовским живодедом» [27]. Другой автор, А. Дубина, дает Мигелю Краснофф Марченко уничижительную оценку и характеристику, утверждая, что «боевым офицером он никогда не был. В отличие от предков, Мигель стал сотрудником репрессивной охраны. Его «коронным номером» стали аресты, пытки и издевательства над чилийскими согражданами» [21]. Кроме этого, в вину Мигелю Краснофф Марченко ставят участие в «мятеже», который при-

вел к свержению С. Альянде. Ряд авторов утверждает, что «Мигель Краснофф, был единственным, кто во время допросов не скрывал лица под маской» [28]. В этом хоре современных критиков и обличителей военного режима практически не слышны голоса тех авторов, которые предлагают альтернативную точку зрения на деятельность Мигеля Краснофф Марченко. В частности, адвокат Мигеля Краснофф Марченко Карлос Порталес полагает, что «чилийское правосудие относится предвзято к военным, которые участвовали в борьбе с политическими противниками хунты» [18].

Некоторые постсоветские авторы склонны его деятельность оправдывать, а самого бригадного генерала идеализировать и видеть в нем идейного борца с большевизмом и левыми политическими идеями. Теоретики современного российского казачества склонны идеализировать Мигеля Краснофф Марченко, полагая, что «суд над генералом Красновым - политический процесс. Он в чем-то повторяет даже преступное сталинское судилище над белыми атаманами в 1946 году, когда был казнен отец Мигеля Краснова. Даже чилийский судья, который ведет дело Краснова-младшего, носит фамилию Гузман - так и кажется, что дело происходит все в том же СССР...» [22]. В целом в современном российском правовом дискурсе [23] правомерность суда над Мигелем Краснофф Марченко оспаривается и ставится под сомнение. Современные постсоветские сторонники бригадного генерала полагают, что он стал «объектом преследования со стороны чилийских властей левой ориентации. Есть еще один важнейший момент, который предопределил эти многолетние преследования, завершившиеся торжеством лже-"правосудия" – Краснов никогда никого не боялся и шел в бой и на операции, никогда не пряча своего лица и не скрывая своего имени. Даже допрос захваченных террористов он начинал, представляясь по всей форме, хотя понимал что рискует из-за этого жизнью. Поэтому некоторые из его бывших врагов в конце концов вынуждены были признать, что он вел себя всегда исключительно благородно и по рыцарски. Вот именно этот факт больше всего бесит его врагов из коммуно-социалистического лагеря – они не могут найти никаких изъяснений в его поведении, но согласно их теориям "контрреволюционер" не может быть честным и благородным человеком. Признать свою неправоту для них невозможно, поэтому и обрушился на Краснова поток клеветы и совершенно бредовых домыслов, распространяемых

по всему миру не только левацкой, но и либеральной прессой» [20].

Мигель Краснофф Марченко – фигура крайне популярная среди правых. Сторонники «Европейского действия – Движения на свободную Европу» полагают, что в 1973 году в Чили состоялся не военный переворот, а национальная революцию, направленная на освобождение страны от марксистского режима. По мнению «Европейского движения», обвинения, по которым в Чили, был осужден Мигель Краснофф Марченко являются абсурдными, а сам Мигель Краснофф воспринимается ими как «один из выдающихся офицеров чилийской армии, герой борьбы с коммунизмом, блестящий военный и патриот». В правых кругах обвинительные приговоры в отношении М. Краснофф Марченко воспринимаются как политические проявления «коммунистического реваншизма» [25].

Подводя итоги, во внимание следует принимать ряд факторов. Историческая политика в Чили преследовала несколько целей, включая унификацию различных исторических и политических памятей, унификацию пространства памяти, маргинализацию альтернативных версий и форм исторической памяти, которые генетически были связаны с военным режимом. Преследование офицеров Вооруженных Сил, которые были активны в период существования авторитарного режима, в Чили 1990 – 2000-х годов имело несколько политических целей. С одной стороны, преследование офицеров в Чили после демократизации в качестве основной цели имело маргинализацию авторитарного режима, содействуя забыванию того положительно и позитивного, что получили Чили в период военного режима. С другой стороны, преследование и репрессии в отношении военных стали фактически проявлением слабости гражданского режима, которые столь радикальным образом пытался обеспечить секьюритизацию исторической памяти.

Безопасность исторической памяти может быть обеспечена различными формами и способами проработки прошлого, что проявляется в попытках переписывания истории и изобретении новых версий прошлого, которые в наибольшей степени соответствовали бы интересам и предпочтениям правящих политических элит, но чилийские правящие элиты от этой стратегии отказались, вероятно, понимая, что манипуляции с историей могут оказаться не в их пользу, так как в чилийской исторической памяти одновременно сосуществуют воспоминания о крахе

экономической политик Сальвадора Альенде, который довел Чили до кризиса и спровоцировал военный переворот и коллективные памяти об авторитарном, но относительно экономически эффективном режиме Аугусто Пиночета.

В этом контексте, политически мотивированные судебные преследования под предлогом расследования преступлений против человечности, совершенных в период пребывания военных у власти, стали формой секьюритизации исторической памяти и проявлением слабости политических элит, которые фактически попытались гомогенизировать культуру исторической памяти, маргинализировав и судебно запретить альтернативные формы и версии исторической памяти. Фигура Мигеля Краснофф-Марченко актуализирует фрагментированное состояние чилийской исторической и политической памяти на современном этапе: если для одних он военный преступник, то для других герой и борец против коммунизма. Чилийские СМИ, с одной стороны, которые взяли на себя роль форматора исторической памяти, формируя негативный образ М. Краснофф-Марченко, фактически выполняли сервилистскую функцию, обслуживая интересы правящих политических элит.

Историческая политика, которую проводили правящие элиты Чили, была направлена на то, чтобы придать им уверенности в условиях дефицита доверия. Политические элиты, которые пришли в Чили к власти в результате перехода к демократии, почти свято уверовали в то, что коллективные и групповые представления об истории должны быть унифицированы, а знание о прошлом, которое ими было монополизировано и поставлено на службу политике, должно было, по их мнению, безоговорочно служить воображаемой ими правде. Политика правящих элит в Чили в 1990 – 2000-е годы привела к тому, что история была фактически поставлена в услужении текущим политическим интересам элит, которые увлеченно сводили счеты с представителями военного режима.

В этом контексте история и память в Чили после Аугусто Пиночета были фактически трансформированы в арену острой политической борьбы с внутренними политическими и идеологическими противниками и оппонентами, которые были носителями альтернативных версий исторической памяти и чьи коллективные воспоминания об истории не могли быть интегрированы в новый официальный дискурс. Преследования военных и их соответствующая фиксация в исторической памяти стали по-

пыткой легитимации той политики, которую проводили правящие элиты. В этом контексте историческая политика в Чили 2000-х годов, основанная на попытках преодоления гетерогенности исторической памяти, содействовала кризису исторической памяти, так как попытки ее искусственной и принудительной унификации фактически актуализировали преемственность политического режима Мишель Бачалет с авторитарным режимом Аугусто Пиночета, так как формально демократический режим унифицировал пространство памяти, практикуя политически мотивированные преследования, чем он мало отличался от авторитаризма более раннего периода.

Историческая политика или политика памяти в Чили в 1990 – 2000-е годы фактически стало политикой сознательного и намеренно направляемого забывания и вытеснения авторитарного политического опыта. С другой стороны, подобная историческая политика правящих элит в Чили 2000-х годов свидетельствует о дефиците исторической и политической легитимности Мишель Бачалет, которая инициировала преследование военных, что стало следствием переноса ее персональных психологических комплексов на сферу публичной политики.

Библиографический список

1. Amnistía y prescripción en los alegatos por la primera condena contra la ex DINA // La Nacion. – 2003. – 04 Agosto.
2. Bachelet dice que no le consta que Krassnoff haya torturado // El Mercurio. – 2003. – 7 Julio.
3. DD.HH.: Juezas procesan a nueve militares (R) por dos secuestros // El Mercurio. – 2004. – 29 de Octubre.
4. Dictan condenas contra cúpula de la DINA por desaparecido // La Nacion. – 2004. – 10 de Noviembre.
5. Ejército recontrata a oficiales implicados en casos de DD.HH // Primera Linea. – 2002. – 16 de Abril.
6. Ex GAP acusan a Krassnoff de torturas // La Nacion. – 2003. – 9 de Julio.
7. Juez dictó condenas en tres casos de detenidos desaparecidos // El Mostrador. – 2004. – 4 de Mayo 2004.
8. Juez Guzmán volvió a golpear a la DINA // La Nacion. – 2004. – 4 de Enero.
9. Juez Solís ordena detención de Manuel Contreras // La Nacion. – 2005. – 28 de enero.
10. Justicia chilena procesa por primera vez en Caso Llidó // El Mostrador. – 2003. – 15 de Mayo.
11. Ministro Guzmán procesó a siete militares (r) // La Tercera. – 2003. – 22 de Julio.
12. Ola de procesamientos en casos de DD.HH // La Nacion. – 2003. – 3 de Junio.

13. Otorgan libertad provisional a mayor (r) Krassnoff // Tercera. – 2002. – 20 de Abril.
14. Procesan a cúpula de la DINA por secuestro de decorador // El Mostrador. – 2003. – 12 de Junio.
15. Procesan a cúpula de la ex DINA por secuestro de mirista // El Mostrador. – 2004. – 19 de Octubre.
16. Procesan a tres ex agentes de la DINA // El Mostrador. – 2002. – 14 de Marzo.
17. Procesan por torturas a plana mayor de la DINA // La Nacion. – 2005. – 21 de Junio.
18. Аксенов П. Мигель Краснов: первый казак Пиночета / П. Аксенов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2011/02/110202_krasnoff_chile.shtml
19. Величко В.Н. «Борцы со сталинизмом» требуют от ветеранов толерантности / В.Н. Величко [Электронный ресурс]. – URL: <http://lubyanka.org/news-text/trebuyut-ot-veteranov-tolerantnosti>
20. Генерал Краснов-Марченко – казак и герой чилийской антикоммунистической революции 1973 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://elan-kazak.org/almanakh-4-2010-nachato-razmeshchenie-materialov--3>
21. Дубина А. Кто вы, генерал Краснофф? / А. Дубина [Электронный ресурс]. – URL: <http://ua-ru.org/politika/13-kto-vy-general-krasnoff.html>
22. Кокунько Г. Мигель Краснов – казак и бригадный генерал армии Чили/ Г. Кокунько [Электронный ресурс]. – URL: <http://krasnov-don.narod.ru/staty/migel/mig1.html>
23. Кокунько Г. Чудеса чилийского правосудия / Г. Кокунько [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gipanis.ru/?level=672>
24. Нечаев С. ЗамоЧИЛИ / С. Нечаев [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4374/>
25. Свободу генералу Мигелю Краснову [Электронный ресурс]. – URL: http://www.europaeische-aktion.org/Artikel/ru/Swobodu-gjenjeralu-Migjelju-Krasnowu_114.html
26. Сперский Г. Казачья верхушка кричит "Любо!" садисту Мигелю Красноффу / Г. Сперский [Электронный ресурс]. – URL: <https://kprf.ru/pravda/issues/2007/89/article-17764/>
27. Сперский Г. Свой свояка видит издалека / Г. Сперский [Электронный ресурс]. – URL: <https://kprf.ru/pravda/issues/2006/136/article-14593/>
28. Юрьев М. Личный палач Пиночета / М. Юрьев [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/2737/>
29. Ясинский О. Генерал Краснофф – палач Пиночета / О. Ясинский [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.istpravda.com.ua/columns/2011/01/31/20443/>
30. Ясинский О. Открытое письмо по поводу московских мероприятий, посвящённых чилийскому преступнику Мигелю Краснову / О. Ясинский [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tiwy.com/leer.phtml?id=4876>

ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

М.В. Курчанов

Два журнала – две латиноамериканистики

Автор анализирует две различные формы и стратегии развития латиноамериканистики в современной России, представленные журналами «Латинская Америка» и «Политические изменения в Латинской Америке». Автор полагает, что «Латинская Америка» представляет неосоветские и идеологизированные тренды в развитии латиноамериканистики. Московская латиноамериканистика основана на позитивизме, что актуализирует ее архаический характер в контексте мировой латиноамериканистики. «Политические изменения в Латинской Америке» актуализируют радикальную эпистемологию и междисциплинарность в латиноамериканистике.

Ключевые слова: историография, латиноамериканистика, научные журналы, «Латинская Америка», «Политические изменения в Латинской Америке»

The author analyzes two different forms and strategies of Latin American Studies development in contemporary Russia presented by “Latinskaia Amerika” and “Politicheskie izmeneniia v Latinskoï Amerike” journals. The author presumes that “Latinskaia Amerika” present neo-Soviet and ideological trends in development of Latin American Studies. Moscow Latin American Studies are based on positivism, which actualizes its archaic character in context of the global Latin American Studies. “Politicheskie izmeneniia v Latinskoï Amerike” actualizes radical epistemology and interdisciplinary approach in Latin American Studies.

Keywords: historiography, Latin American Studies, academic journals, “Latinskaia Amerika”, “Politicheskie izmeneniia v Latinskoï Amerike”

Постановка проблемы. Современная российская латиноамериканистика пребывает в состоянии затяжного теоретического и методологического кризиса. Кризисные тенденции отмечались неоднократно на страницах журнала «Политические исследования в Латинской Америке» [7; 8] и столь же последовательно сам факт кризиса отрицается ортодоксальной московской латиноамериканистикой, что привело даже к использованию столь неакадемических форм научной коммуникации как донос [6] на Автора этой статьи.

Между тем, кризисные или негативные тенденции в развитии современной российской латиноамериканистики столь очевидны, что их, с одной стороны, очень сложно и непросто скрыть, с другой, сам кризис вынуждает руководство ИЛА РАН решительно защищать свой монопольный статус «единственного» российского латиноамериканистского центра, что, наоборот, содействуют еще большей актуализации кризисных тенденций, углублению кризиса.

Проявление кризиса современной российской латиноамериканистики в ее московской версии имеет самые разнообразные проявления и формы, включая: старение корпуса российских латиноамериканистов, идеологизацию латиноамериканистских исследований, мифологизацию достижений советского периода, изоляцию от мирового латиноамериканистского сообщества, последовательное игнорирование новейшей зарубежной историографии в сфере латиноамериканистских штудий. Характерной особенностью развития российской латиноамериканистики во второй половине 2000-х – в 2010-е годы стала ее фрагментация.

Начиная с 2006 года Факультет международных отношений Воронежского государственного университета издает сначала сборник статей, а позднее и первое региональное периодическое издание, сфокусированное на латиноамериканистике, «Политические исследования в Латинской Америке». «Политические изменения в Латинской Америке» на современном этапе являются единственным региональным латиноамериканистским изданием, представляя собой теоретическую и методологическую альтернативу московской «Латинской Америке».

Цель. В центре настоящего обзора будут проблемы и противоречия, формы и проявления, специфика и особенности двух путей в развитии российской латиноамериканистики, представленных двумя периодическими изданиями – «Политическими изменениями в Латинской Америке» и «Латинской Америкой».

«Латинская Америка»: опыт профилирования. Прежде чем сравнивать два эти периодические издания, во внимание следует принять особенности каждого из них. Итак, начнем с московской «Латинской Америки». Журнал издается с 1969 года и на протяжении советского периода его контент в целом был подвержен значительной политизации и идеологизации, что, как ни странно, было гарантией относительно высокого теоретиче-

ского и методологического уровня статей, несмотря на всю специфику советского дискурса, которая была характерна для гуманитарного знания и, в особенности, его междисциплинарных форм.

В 1990-е годы журнал пытался сохранить свою академическую специфику, но 2000-е стали периодом постепенного размывания канона, временем методологического кризиса. На современном этапе «Латинская Америка» позиционирует себя как «уникальное для России и СНГ полноценное мультидисциплинарное профессиональное издание на русском языке, анализирующее актуальные теоретические и научно-практические проблемы Иберо-Америки», которое «дает читателям широкую панораму иберо-американского мира, печатает эксклюзивные интервью глав государств, министров, политиков, дипломатов, парламентариев и общественных деятелей, видных представителей науки, бизнеса, культуры и искусства, произведения всемирно известных писателей Латинской Америки, Испании и Португалии» [11].

Объективная реальность несколько отлична от столь оптимистических реляций. Фактически «Латинская Америка» публикует статьи преимущественно по политологии, экономике и международной проблематики, культивируя левый, точнее – левацкий, дискурс, активно применяя цензуру в отношении текстов, которые не соотносятся с идеологией журнала. В теоретическом и методологическом плане журнал «Латинская Америка» продолжает пребывать на уровне конца 1980-х годов, игнорируя те перемены, которые имели место в мировой латиноамериканистике. Поэтому, большая часть текстов, которая публикуется в «Латинской Америке» на современном этапе, представляют собой образчики застарелого и консервативного позитивизма, который был уместен для второй половины 19 века, но в начале 21 столетия выглядит безусловным анахронизмом.

«Политические изменения в Российской Америке»: попытка фиксации канона. Вторым латиноамериканистским изданием в России являются воронежские «Политические изменения в Российской Америке», которые практически с самого начала, с 2006 года, задумывались и позиционировались как региональная альтернатива «Латинской Америке», хотя эта альтернативность в большей степени начала актуализироваться в 2010-е годы. «Политические изменения в Российской Аме-

рике» радикально отличаются от «Латинской Америки», издаваемой ИЛА РАН.

«Политические изменения в Латинской Америке» в качестве основных принципов редакционной политики позиционирует независимость от идеологических предпочтений, научную объективность и добросовестность, междисциплинарность. Нас не интересуют идеологические предпочтения наших авторов – поэтому, наши страницы открыты для авторов левой и правой политической ориентации. Мы не практикуем «черные списки» для цитирования – поэтому, наши авторы могут цитировать всё, что считают нужным и необходимым, включая московскую «Латинскую Америку», предпочитающую не замечать и игнорировать региональные латиноамериканистские издания. Мы предпочитаем публиковать междисциплинарные тексты, которые актуализируют достижения смежных наук в контексте латиноамериканистики – поэтому, наши страницы открыты не только для глубоко экономических или политологических, но и качественно других публикаций, которые актуализируют достижения культурного поворота, социальной истории, исторической антропологии, инвенционистского и визуального поворотов.

Кроме этого, «Политические изменения в Латинской Америке» считают необходимым уделять особое внимание рецензиям, обзорным критическим статьям и переводам, то есть тем направлениям развития и функционирования научного периодического издания, которые игнорируются московской «Латинской Америкой»: мы считаем нужным предпринимать попытки изменить культуру рецензирования в России от кратких сообщений обзорного плана до пространных проблемных статей с обязательным справочно-библиографическим аппаратом. Что касается переводов, то «Политические изменения в Латинской Америке» не ограничиваются переводами с западных языков, активно публикуя, например, переводы с украинского языка, что является нашей попыткой актуализировать многовариативность в развитии современной мировой латиноамериканистики.

Два журнала – две Латинские Америки. Идеи и положения, изложенные выше фиксируют и описывают некоторые особенности и специфические черты двух российских латиноамериканистских журналов, но Автор считает необходимым актуализировать эти особенности в несколько ином контексте. Выше Автор предположил, что московская «Латинская Америка» в современной научной периодике представляет собой анахронизм

позитивистской историографии, в то время как «Политические изменения в Латинской Америке» имеют качественно другие теоретические и методологические основания. Эти отличия между двумя журналами в контексте «позитивизм – непозитивизм» как отличия между двумя формами развития латиноамериканистики в самом общем, черновом и проектном плане, могут быть сведены к следующему:

**Латиноамериканистика
по версии «Латинской Америки»**

**Латиноамериканистика
по версии «Политических изменений в Латинской Америке»**

Предмет исследования

предметом исследования является только история, только экономика [4] или только политика [13]

предметом исследования не является только и исключительно история, экономика или политика – большинство исследований носит междисциплинарный характер – история, социальное и культурное знание, политика и экономика тесно интегрированы в новое синтетическое «тело» знания

Определение латиноамериканистики

формально комплексная наука, но фактически изолированные науки, представленные историей, экономикой [10] или политологией [15] со специализацией на латиноамериканской проблематике

междисциплинарная наука, «тело» которой представлено синтезированными и комплексными исследованиями, которые интегрируют и актуализируют различные теории и методы, применяемые в гуманитарных науках

Цели исследований

Цели всегда узко специализированы и максимально конкретизированы: изучение только и исключительно исторической проблематика, экономической ситуации, интеграционных [3], международных [9] или политических

Целью исследования являются попытки понять масштабные исторические, политические, культурные и социальные процессы, описанные в категориях и понятиях пост-пост-модерна и трансплантированные в латиноамери-

Сфера исследований

Сфера исследования ограничена формально и непосредственно видимыми и фиксируемыми явлениями – историческим событиями, экономическими институтами и политическими процессами [12]

История, социальная история, культурная история, историческая антропология, политическая экономия, культурная и гуманитарная экономика в контексте латиноамериканистских штудий

Понятие «времени»

Понятие «времени» имеет модернистский характер, основанный на буржуазной идее времени – поэтому, доминирование линейных моделей описания, что предусматривает разделение истории на «до» и «после» [1]

единого понятия «времени» и линейного исторического прогресса не существует, время является гетерогенным, а не гомогенным; время разбито на множество социальных, политических, культурных и экономических времен локализованных во фрагментированном латиноамериканском историческом и культурном, социальном и экономическом, политическом и государственном пространстве

Источники

В качестве источников используются как правило письменные источники

единого корпуса источников не существует – источником может быть любой текст, который является частью дискурса – корпус источников постоянно расширяется вследствие дрейфа «исследований» в корпус источников по причине смены историографической конъюнктуры

Методы и приемы исследования

Внутренняя и внешняя критика формально опубликованных ис-

Все методы критики источников, в особенности – междисципли-

точников – от чисто исторических источников (мемуары, документы) до экономических (статистика, отчетность)

нарные и предложенные в результате методологических поворотов, приемлемы, если они не содействуют идеологизации конечного продукта и результата исследования

Отношение к источнику

Исследователь формально претендует на нейтральность и объективность в отношении объекта исследования, но фактическая идеологизация [14] латиноамериканистики не позволяет ему быть объективным

Исследователь не может быть объективным, так как пребывает под влиянием политических и методологических установок и предпочтений. Различные факторы, включая ограничения, predisposedности и предвзятости в разной степени оказывают влияние на формирование конечных результатов исследования

Области исследования

Области исследования формальны и четко определены, искусственно структурированы, например – история, политология, экономика [5] изучают свои изолированные проблемы

Области исследования могут быть неформальными и не определенными конкретно и четко – различные науки, включая историю, политику, экономику, культурные и социальные исследования – не сфокусированы на изучении, например, только и исключительно исторических или политических проблем: область исследования всегда является междисциплинарной

Отношение к другим наукам

Склонность к изоляции и недопущению установления междисциплинарных контактов

Изоляция является неприемлемой, признаваясь ошибочной, губительной и недопустимой – склонность к последовательному междисциплинарному диалогу, синтезу и сближению – идеаль-

ной является академическая ситуация, которая не ограничивает исследователя и не сковывает его формальными ограничениями, позволяя в рамках одного исследования, локализуемого в латиноамериканистике, интегрировать как методы, так и достижения истории, экономики, политологии, социологии и других гуманитарных и общественных наук

Результаты исследования

Результаты исследования формализованы, предусматривая построение гипотез и моделей

Результатом исследования является не вывод, а интерпретация или множественные интерпретации, которые могут противоречить как друг другу, так и выводам более ранней историографии – поэтому, большинство текстов или их значительная часть может носить проблемный и дискуссионный характер – исследование может не предусматривать результат – интерпретация и критика являются более важными компонентами исследования

Отношение к фактам

Преклонение перед фактом, склонность к их «коллекционированию» и механической фиксации ради дальнейшего воспроизведения и тиражирования в форме статьи, монографии или любого другого формализованного научного продукта (например, аналитического обзора)

Преклонение перед фактом отсутствует, так как факты не признаются как реально имевшие место события и явления – факты воспринимаются как воображаемые, воображенные, изобретаемые и изобретенные коллективные историографические традиции, унаследованные от историографических школ более раннего времени – не может существовать единого мнения и коллективного представления даже об

одном и том же историческом факте – восприятие и понимание фактов всегда является ситуативным – факты не существовали реально, так как исследователь не может подтвердить или опровергнуть их существование экспериментальным путем – факты существуют в сознании историков или в коллективном воображении больших групп и сообществ

Предварительные итоги. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. В современной российской латиноамериканистики сложилось два течения, которые крайне условно могут быть определены как московское и воронежское. Первое оформлено институционально и организационно в форме ИЛА РАН, второе является преимущественно виртуальным. В этом отношении оно маргинально, как и маргинален журнал «Политические изменения в Латинской Америке», но эта маргинальность условна и вынуждена в силу специфических несоветских иерархических отношений, которые существуют и доминируют в современной российской латиноамериканистике.

Московская латиноамериканистика как несоветская форма знания склонна и в состоянии использовать только и исключительно «советские» стратегии и практики научной коммуникации, которая лишь формально является научной, фактически будучи политически и идеологически детерминированной. Маргинальность воронежской латиноамериканистики, которая концентрируется вокруг «Политических изменений в Латинской Америке» маргинальна только в контексте или на фоне московской латиноамериканистики, которой она не признается, отрицается и намеренно маргинализируется.

Вместе с тем, маргинальность воронежских «Политических изменений в Латинской Америке» является позитивной и положительной, так как маргинальность проявляется только в том, что воронежская латиноамериканистика развивается отлично от московской, имея качественно иные и другие теоретические и методологические основания. Относительно московской латиноамериканистики пока еще уместно утверждать, что она пред-

ставлена и своей школой, но ее существование – это исключительно вопрос времени, так как современные тенденции развития официальной российской латиноамериканистики могут быть определены как негативные, а ее будущее является спорным в контексте закрытой модели развития, геронтологических тенденций, международной изолированности.

Все эти факторы самым негативным образом влияют на развитие российской латиноамериканистики, определяя траектории и направления ее функционирования на современном этапе. Воронежская латиноамериканистика, которая не имеет институциональных оснований за исключением одного периодического издания, несмотря на то, что на современном этапе является маргинальной, имеет качественно иные перспективы развития. В случае сохранения и дальнейшего выхода «Политических изменений в Латинской Америке», при условии сохранения их междисциплинарной направленности это издание может занять свою уникальную нишу в российской латиноамериканистике, если, конечно, будет признан ее полицентричный характер, а московская латиноамериканистика в лице ИЛА РАН откажется от своей современной тактики, хотя склонность к доносительству со стороны высших чинов московской латиноамериканистики вряд ли будет возможно преодолеть до физической смены современного поколения российских московских латиноамериканистов другим поколением.

На протяжении длительного времени «Политические изменения в Латинской Америке» развивались как маргинальный журнал, но маргинальность в контексте современного состояния российской латиноамериканистики самым тесным образом переплетается с другим качеством – с ортодоксальностью. Вероятно, различные формы ортодоксальности характерны для московской и воронежской латиноамериканистики в одинаковой степени, но это – две совершенно разные формы ортодоксальности. Ортодоксальность московской латиноамериканистики проявляется в ее изолированности и идеологизированности. На современном этапе эта ортодоксальность московской латиноамериканистики и вовсе деградировала до нео-ортодоксии, которая проявляется в формальном имитировании научности и фактической редукции до нескольких тем исследований в то время как другая тематика, которая требует качественно иной методологии, игнорируется и не замечается.

Что касается воронежских «Политических изменений в Латинской Америке», то для них так же характерна определенная ортодоксальность, которая радикально отличается от аналогичных московских явлений. Воронежская латиноамериканистика ортодоксальна в контексте ее склонности в последовательной ревизии и радикальному пересмотру сложившихся в латиноамериканистике норм и канонов. Воронежская латиноамериканистика ортодоксальна в контексте столь усиленно демонстрируемой отличности от московской латиноамериканистики, ее намеренно актуализируемой теоретической и методологической революционности и открытой склонности к ревизионизму, но современная воронежская латиноамериканистика умеренна в своей ортодоксальности и далека от той опасной черты, после пересечения которой на смену ортодоксальности приходит нео-ортодоксия.

Проблема современной российской латиноамериканистики, ее системная беда в том, что этой смены вообще может не произойти, так как на смену современным неосоветским латиноамериканистам просто физически не придут другие исследователи. Ответственность или даже вина за эту ситуацию лежит на руководстве современной московской латиноамериканистики, которое успешно превратило ИЛА РАН и его печатный орган – журнал «Латинскую Америку» – в заповедник неосоветизма и оплот не самых научных и не совсем академических, но фактически популистских интерпретаций и размышлений, которые имитируют латиноамериканистику. Кроме этого, развитие современной московской латиноамериканистики, ее будущее представляется крайне туманным и дискуссионным в силу склонности к изоляционизму и намеренном игнорировании мировых трендов и тенденций в развитии латиноамериканистского знания.

Исследовательская культура и научная этика московской латиноамериканистики также очень далеки от принятых стандартов: вместо дискуссии московская латиноамериканистика склонна говорить языком доносительства, словно она пребывает в ином, отличном от мировой латиноамериканистики, времени, предпочитая мыслить неосоветскими клише и стереотипами. В этом контексте перед «Политическими изменения в Латинской Америке» открываются качественно иные перспективы, но только в том случае, если они не только сохранятся как периодическое издание, но и сохранят свою методологическую и

теоретическую направленность, ориентир на междисциплинарность, полемический характер, неприятие политической идеологизированности, клише и стереотипов, то есть тех болезней, от которых страдает московская латиноамериканистика и от которых она, вряд ли, уже избавиться...

Библиографический список

1. Андреев А.С. Уругвай в довоенной внешней политики СССР / А.С. Андреев // Латинская Америка. – 2016. – № 1. – С. 59 – 67.
2. Бурлак Т.А. Женские политические элиты в Латинской Америке / Т.А. Бурлак // Латинская Америка. – 2014. – № 6. – С. 53 – 61.
3. Демяшева О.П. Успехи и трудности Боливарианского Альянса / О.П. Демяшева // Латинская Америка. – 2015. – № 2. – С. 37 – 47.
4. Дубовик В.О. Транспортная сеть стран Южной Америки / В.О. Дубовик // Латинская Америка. – 2015. – № 5. – С. 39 – 55.
5. Железнова О.В. Инновационная политика Чили / О.В. Железнова // Латинская Америка. – 2014. – № 3. – С. 32 – 46.
6. Кирчанов М.В. Латиноамериканистика в современной России: кризис и невидимость отечественных латиноамериканских штудий в международном контексте / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2015. – № 2 (18). – С. 108 – 119.
7. Кирчанов М.В. Самый неудобный методолог: неомарксизм и «школа Анналов» К.А. Агирре Рохаса в контексте перспектив развития российской латиноамериканистики / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. – 2011. – № 8. – С. 84 – 92.
8. Кирчанов М.В. Какая латиноамериканистика нам (не) нужна: заметки вовлеченного маргинала / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке. – 2014. – № 1. – С. 75 – 82.
9. Костюк Р.В. Латиноамериканская политика Франции при Франсуа Олланде (2012 – 2014 гг.) / Р.В. Костюк // Латинская Америка. – 2015. – № 4. – С. 14 – 22.
10. Кусова А.Х. Внешнеторговые связи Латинской Америки и Европейского Союза / А.Х. Кусова // Латинская Америка. – 2015. – № 4. – С. 23 – 30.
11. Латинская Америка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ilaran.ru/?n=39>
12. Морозов Д.В. Выборы в Гватемале / Д.В. Морозов // Латинская Америка. – 2016. – № 1. – С. 39 – 50.
13. Окунева Л.С. Президентские выборы 2014 года в Бразилии / Л.С. Окунева // Латинская Америка. – 2015. – № 1. – С. 4 – 19.
14. Чеснокова О.С. Памяти жертв военного переворота в Чили: роман Роберто Ампуэро «Последнее танго Сальвадора Альенде» / О.С. Чеснокова // Латинская Америка. – 2014. – № 2. – С. 91 – 98.
15. Яковлев П.П. Мексика 2014: реформы на фоне кровавой драмы / П.П. Яковлев // Латинская Америка. – 2015. – № 2. – С. 12 – 28.

ISSN 2219-1976

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Научный журнал

2016 / 3 (21)

LATIN AMERICAN POLITICAL TRANSFORMATIONS

Academic journal

2016 / 3 (21)

ISSN 2219-1976